

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕДОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1860—1880-х ГОДОВ

Н. И. УТИН О «ЗЕМЛЕ И ВОЛЕ» И УРОКАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ 60-х ГОДОВ

Вступительная статья Ш. М. Левина.

Ниже перепечатывается большая статья «Пропаганда и организация», опубликованная в женевском журнале «Народное дело»¹, № 2—3, в октябре 1868 г. На эту статью в последнее время неоднократно встречались ссылки в исследовательской литературе. Впервые же, насколько нам известно, она была использована в качестве источника по истории революционного движения 1860-х годов в работе П. Л. Лаврова «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.», напечатанной в 1895—1896 гг. за границей, а впоследствии дважды издававшейся в России (в 1907 и 1925 гг.).

Лавров называл авторов статьи «людьми, которые должны были хорошо знать дело» (имея в виду под этим «делом» задачи тайного общества «Земля и воля» начала 1860-х годов)². Содержание статьи «Пропаганда и организация» действительно свидетельствует о том, что она написана активным участником движения начала 1860-х годов, осведомленным об обстоятельствах студенческого движения и деятельности «Земли и воли», а в частности — об истории переговоров между «Землей и волей» и польскими революционерами. Этим признакам удовлетворяет Н. И. Утин, центральная фигура в кружке издателей «Народного дела», в дальнейшем — один из главных организаторов так называемой «Русской секции» Международного товарищества рабочих, в свое время являвшийся одним из руководителей петербургских студенческих волнений 1861 г., состоявший в 1862—1863 гг. членом центра «Земли и воли», участвовавший в конце 1862 г. со стороны «Земли и воли» в переговорах с поляками. Его и следует считать наиболее вероятным автором статьи «Пропаганда и организация». Тот же вывод подтверждается сопоставлением интересующей нас анонимной статьи с другими документами, без всякого сомнения исходящими от Утина (см., например, совпадение ряда мыслей в статье и в письме Утина к Герцеву от 16 декабря 1864 г., опубликованном в «Литературном наследстве» (т. 62, с. 673—678). Не исключено, конечно, при этом, что в составлении или редактировании статьи Утину помогали некоторые из его товарищей по изданию «Народного дела», например, бывший участник польского восстания А. Д. Трусков.

Статья «Пропаганда и организация» представляет собою обзор революционного движения 1860-х годов, в первую очередь его практической стороны, составленный в значительной части на основании личных впечатлений автора, отводящий, впрочем, главное место не самим его «мемуарам», а размышлениям и выводам из них.

Тематика статьи довольно разнообразна. После краткого введения и небольшой первой главки, посвященных некоторым общим соображениям, следует глава о студенчестве, условиях его жизни, истории и значении его борьбы. Третья глава посвящена прокламациям 1861—1862 гг. (собственно — «Великоруссу» и «Молодой России»), четвертая — «Земле и воле», пятая (одна из самых пространных), продолжая рассказ о «Земле и воле», уделяет особое внимание вопросам, поставленным польским восстанием. Шестая глава содержит характеристику реакции после 1863 г. и вместе с тем

освещает вопрос о деятельности возникшего в обстановке реакции ишутинского кружка. В седьмой главе автор пытается охватить ряд вопросов, относимых им к «положительной, внутренней стороне революционного дела»; это — вопросы построения «нового здания разумного быта», нравственной революции, так называемый женский вопрос. Лишь последняя, совсем краткая, восьмая глава посвящена непосредственно тем современным задачам в области пропаганды и организации, для решения которых весь предшествующий исторический обзор должен был, по мысли авторов, послужить материалом и обоснованием³.

Вышедшая из-под пера деятельного участника революционного движения начала 1860-х годов внутри России, в дальнейшем игравшего заметную роль в делах русской «молодой эмиграции», статья «Пропаганда и организация» представляет бесспорный интерес с точки зрения задач восстановления подлинной картины движения 1860-х годов. Поскольку в истории этого движения еще немало темных и неясных мест, введение в широкий научный оборот малоизвестной утинской статьи является необходимым и целесообразным. В то же время нельзя упускать из виду известного субъективизма, вносимого автором публикуемого документа в освещение и в оценку тех или иных вопросов.

Мы не задаемся целью дать исчерпывающий обзор и критику всех кажущихся нам спорными или неясными утверждений и положений статьи. В наши задачи не входит также отнесение всех тех моментов в статье, которые существенны (в положительном смысле) для уточнения отдельных фактов истории 1860-х годов. Однако на нескольких вопросах, возбуждаемых статьей, мы считаем полезным остановиться.

В своей статье Утин немалое место отводит выяснению передовой роли русской учащейся молодежи, противопоставляемой остальной части «образованных классов». Еще в своем пространном письме к Герцену, упоминавшемся выше, Утин проводил мысль, что «живой и годный» элемент «лежит в молодежи», что «пока мы можем только думать о молодежи, потому что только из ее групп выйдут дальнейшие реальные проводники нашей пропаганды в народ»; одновременно Утин писал Герцену о «полной исторической справедливости пессимистического отношения» к образованным классам в целом. О значении «юношества», студентов и семинаристов «по преимуществу», с большим подъемом говорится в статье «Пропаганда и организация», и справедливо при этом подчеркивается ведущее место разночинца в освободительном движении, развертывавшемся среди молодежи. Отмечается инициативная роль кружка харьковских студентов, на долю которых выпал «первый погром»⁴. Сжато, но ярко описаны обстоятельства, при которых возникли осенние студенческие волнения 1861 г. Однако недостатком этого раздела статьи является игнорирование дифференциации среди студенчества, которое неправомерно рассматривается автором как вполне единое целое.

Слишком обобщенно, огульно говорится — в начале третьей главы — и о самом «обществе», которое будто бы «всё» с «большим сочувствием» встретило «первые шаги революционной партии». Даже если иметь в виду только «Великорусс» (он не назван Утиным, но речь в указанном месте идет именно о нем), то сочувствие ему с самого же начала вовсе не было столь единодушным, как это изображено в статье (в дальнейшем в особенности враждебная оценка «Великорусса» со стороны не только реакционно-крепостнических, но и тех или иных либеральных и полулиберальных элементов выразилась очень ясно).

Характерно, с другой стороны, что автор явно рассматривает «Великорусс» («первые листки») как проявление деятельности «революционной партии». Разумеется, единой, сплоченной, сколько-нибудь организованной революционной партии еще не было в 1861 г. Термин «революционная партия» для этого времени следует понимать в смысле совокупности отдельных разрозненных пока революционных кружков или групп, причем все они, однако, получали идейные импульсы из одних и тех же источников — от Чернышевского, Добролюбова, всего тесного круга «Современника», от Герцена, Огарева, их «Колокола».

В связи с только что сказанным приходится отметить неточность формулировки автора, открывающего третью главу словами: «Здесь (т. е. примерно после разгрома правительством студенческого движения в конце 1861 г. — Ш. Л.) начинается другой

Н. И. УТИН

Фотография Давлей. Остенде,
1860-е годыИнститут русской литературы
АН СССР,
Ленинград

деятельный период, знаменующийся переходом молодых сил от первоначальной явной оппозиции некоторым мерам правительства к сознанный потребности не оппозиции и не противодействия, а прямой неуклонной борьбы со всем правительством, не для отмены той или другой меры, а для отмены его самого». О ком говорит в этих строках автор? Если даже «молодые силы» — только студенчество, то и в этом случае надо признать, что потребность прямой борьбы со всем правительством как таковым была уже до волнений сознана его (студенчества) активным и сознательным авангардом. Под влиянием волнений и последовавших за ними репрессий пополнились (и значительно) ряды этого авангарда. Однако неточность автора усугубляется, если в состав «молодых сил» включить (а для этого имеются все основания) передовые демократические элементы из лагеря разночинцев, не принадлежавшие к студенчеству. Ведь Чернышевский, и Добролюбов, и братья Серно-Соловьевичи, и Слепцов, и другие не могут быть исключены из понятия тогдашних «молодых сил»; между тем решимость действительно бороться против самодержавия у них была налицо задолго до разгрома студенческого движения.

Наиболее важная для нас часть статьи «Пропаганда и организация» посвящена обществу «Земля и воля» и вопросам, непосредственно связанным с его деятельностью. И здесь не все утверждения автора вызывают в одинаковой степени признание и доверие. Убедительно звучит его заявление о том, что «Земля и воля» не была «основой» (т. е. началом) тайных обществ, что они уже существовали в разных местах (автор даже говорит: во многих ^б) и что, наконец, задачей «Земли и воли» именно было сплотить в одно целое, способное к дружному действию, все существующие кружки.

До «Земли и воли» такого объединения еще не было, о чем достаточно ясно говорит хотя бы известный «Ответ Великооруссу» в «Колоколе» от 15 сентября 1861 г., а также примечание редакции «Колокола» к этому «Ответу»⁶. Интересна датировка образования «Земли и воли», организованвшейся, по словам автора, «среди разгара правительственной и общественной реакции», т. е. примерно в середине — второй половине 1862 г. Но, думается, надо понимать это указание в том смысле, что тайное общество в это время именно «организовалось», приняло более или менее твердую и определенную форму: зарождение «Земли и воли» должно быть отодвинуто к осени 1861 г. или к зиме 1861—1862 гг.

По словам автора, «Земля и воля» считала необходимым создание в первую очередь («прежде всего») стройной, крепко сплоченной и широко разветвленной «Организации пропагандистов», которая должна была способствовать позднему образованию «другой широкой Народной организации вооруженных борцов». Трудно сказать, соответствует ли сколько-нибудь точно это сообщение действительно проектировавшейся в «Земле и воле» схеме построения организации. Не вполне ясно также значение — во втором названии — слова «Народной»: видимо, оно должно было указывать не только на народные задачи, но и на народный состав будущей организации, — другими словами, на необходимость широкого вовлечения народа в революционную организацию при практическом подходе к решению задачи вооруженного восстания. Вызывает недоумение отсутствие упоминаний в данной связи о войске, о военной организации.

Определяя «ближайшую цель» «Земли и воли» (общество «стремялось к самозванному Народному собранию» и т. д.), автор повторял в общем соответствующие положения программного листа землевольцев — «Свобода» № 1. Вместе с тем в его статье выдвинуты положения, которых не было в «Свободе». По его словам, «Земля и воля» хотела «помешать возможной случайности созвания правительством официального Земского собора, т. е. дарования какой-нибудь непристойной конституции»; и далее: «Общество «Земля и воля» видело столько же пользы в Собрании Народном, сколько зла в государственном». Что общество «Земля и воля» добивалось созыва подлинно представительного собрания, состоящего из народных избранников, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но действительно ли оно так боялось маневра царизма с «дарованной» конституцией? По крайней мере в выступлениях Н. П. Огарева, относящихся к 1863 г. (а Огарев особенно в то время, судя по имеющимся данным, оказывал серьезное влияние на идейно-политическую линию «Земли и воли»), вопрос ставился несколько по-иному. В статье «Конституция и Земский собор» Огарев писал, что «дарованная» конституция, сочиненная императорскими чиновниками, не удовлетворит потребностей русского народа. Но «дарованной» конституцией, если она станет фактом (Огарев признавал это сомнительным), надо было бы «воспользоваться как льготой, облегчающей достижение Земского собора»⁷ («Земский собор» Огарева равнозначен «Народному собранию» землевольческой «Свободы» и позднейшей утинской статье).

Формулируя дальше программу «Земли и воли», Утин (в пятой главе) выдвинул тезис, что «революционная партия» (под которой в данном случае подразумевается именно и только «Земля и воля») подготавливала в России революцию «на коренных социалистических началах». Что такая задача, если бы она тогда ставилась «Землей и волей», являлась бы утопической, об этом, разумеется, не может быть двух мнений. Но существует другой вопрос: имел ли Утин веские основания, в своей статье 1863 г., приписывать «Земле и воле» начала 1860-х годов такую цель? Быть может, некоторым комментарием к приведенному утверждению Утина должно служить заявление (сделанное им в той же статье, несколько ниже) о том, что в тот момент «распространение революции (из Польши. — Ш. Л.) на Россию означало бы прежде всего осуществленный переворот и вступление народа в его полные права на землевание». Осуществление крестьянством его «права на землю» при общинном владении, как известно, в глазах, например, Герцена являлось началом социализма. Переход земли к крестьянству при сохранении общины составлял одно из программных требований «Земли и воли». Не это ли Утин и разумел, говоря о «коренных социалистических началах»? Сомнительно, однако, чтобы в целом землевольцы рассматривали себя в качестве борцов за коренное социалистическое переустройство страны. Гораздо правдоподобнее предположить

(опираясь на программные заявления землевольцев), что «Земля и воля» (во всяком случае, в лице ее наиболее авторитетных руководителей) считала себя революционно-демократической и политической организацией, не связанной непосредственными задачами социалистического характера.

Любопытно, что П. Л. Лавров, имевший известное отношение (детально не вполне установленное) к «Земле и воле» начала 1860-х годов и располагавший, несомненно, данными о ее задачах и стремлениях, характеризовал ее в «Народниках-пропагандистах» как «чисто-политическое тайное общество», «чисто-политическое движение»⁸.

Объективно весь характер и весь смысл деятельности «Земли и воли» заключался в стремлении к уничтожению самодержавия, к установлению демократического государственного устройства, во-первых, и к решению в интересах крестьянства аграрного вопроса в России, во-вторых. В статье Утина имеется одно место, дающее хотя и косвенное, но — сравнительно точное — представление об аграрных требованиях «Земли и воли» в их, по крайней мере, максимальном варианте.

Говоря о плодотворном влиянии, какое могла бы оказать польская революция на Россию, если бы «польская программа» расширилась «до непрременной постановки социального вопроса», Утин заявлял: «Очевидно было, что если бы польские крестьяне получили во имя революции всю землю без всякой платы и выкупа, то сознание о возможности такого овладения распространилось бы между смежными русскими селами и охватило бы все русское крестьянство». Передача крестьянам всей земли, без всякой платы и выкупа — таково было, очевидно, в своем наиболее последовательном выражении требование «Земли и воли» в крестьянском вопросе.

Позиция «Земли и воли» в польском вопросе и польскому вопросу вообще в статье «Пропаганда и организация» уделено много внимания. Как прежде «Земля и воля», автор исходил из полного и безоговорочного признания права Польши на освобождение «от насильственного захвата императорского правительства».

Следует подчеркнуть признание автором заслуги «заграницкой русской прессы» (в данном контексте — изданий Герцена и Огарева), которая «неутомимо указывала на необходимое развязывание польского вопроса». Мы потому особо это отмечаем, что в некоторых других местах статьи нетрудно вскрыть выпады в адрес «Жолокола»⁹. Характеристика планов и задач русской военной организации в Польше дается Утиным, по существу, вполне в духе тех соображений, которые высказывались по этому поводу в начале 1860-х годов Герценом и Огаревым.

Определенную ценность представляют те строки статьи «Пропаганда и организация», которые посвящены переговорам в конце 1862 г. между «Землей и волей» и польским революционным комитетом¹⁰, переговорам, в которых, как выше уже отмечено, Н. И. Утин принимал непосредственное участие. Это, так сказать, аутентичный источник, в чем его преимущество, например, сравнительно с воспоминаниями Л. Ф. Пантелеева, который писал на основании сообщений, исходивших прежде всего от того же Утина. Интересна близость некоторых формулировок статьи с сохранившимся и много позднее найденным в архиве текстом соглашения между представителем польского Центрального Национального комитета Падлевским и центром «Земли и воли». В официальном тексте говорилось (перевод с французского): «Центральный Национальный комитет признает, что Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени»¹¹. У Утина: «Русский комитет тщательно предупреджал комитет польский о том, что еще не скоро можно надеяться на восстание в России, что поэтому польская революция одна и сама по себе рискует погибнуть, если вспыхнет преждевременно». Все же вызывает сомнение в этой части статьи утверждение относительно «чисто стратегического» характера сношений землевольцев с польским революционным комитетом. Обсуждение и принятие в ходе переговоров в качестве основы соглашения и союза основных начал известного письма польского Центрального Национального комитета к редакции «Жолокола» уже вносило существенный идейно-политический элемент в эти переговоры.

Остроумное объяснение Утиным позиции русского помещичье-буржуазного общества в отношении польского восстания нельзя тем не менее не признать односторонним и неполным. Революции «образованные классы» (в своей привилегированной, эксплуа-

таторской части) действительно «боялись как заразы», угрожающей России. Но необходимо считаться также с влиянием распространенного тогда национализма и великодержавного «патриотизма».

Несколько туманными и странными представляются рассуждения автора статьи «Пропаганда и организация» «об одной непоследовательности революционной партии (в связи с польским вопросом. — Ш. Л.), весьма благоприятной для ее врагов». «Каким образом, — спрашивает он, — она допускала безнаказанно обвинение ее в измене, в предательстве русского народного дела?» Известно, однако, что «революционная партия» вовсе не проходила мимо этого обвинения. Она отвечала на него, — прежде всего в многочисленных статьях «Колокола», а кроме того — и в нелегальных листах «Земли и воли», — пламенным разоблачением разбойничьего характера царской политики в Польше, раскрытием гнусности и подлости катковской агитации и всего помещичь-буржуазного «патриотизма», доказательством законности и правомерности национально-освободительных стремлений польского народа и, в конечном итоге, обоснованием правильности и прогрессивности своей собственной позиции. Утин, видимо, недооценивал значение этой борьбы; он намекает на то, что «революционная партия» не использовала еще других средств борьбы, не стала бить врага его же оружием — оружием террора, направленного против отдельных лиц, отдельных руководителей. Это намек на то, что можно было убрать, например, Каткова.

Тут у автора некоторая недоговоренность, неясность по вопросу о целесообразности индивидуального террора как средства революционной борьбы. Она, впрочем, в значительной мере «снялась» несколькими замечаниями, сделанными в той части труда (последней, на которой мы считаем нужным остановиться), которая трактовала ишутинское дело. Так, автор высказывал там мысль, что «положение изменяется не от перемены одного лица, а от изменения всего порядка вещей». Немного далее он замечал, что «правительство столь же тщетно казнит юношей с целью истребления нового, несовместного с его существованием, направления, сколь тщетна была бы смерть одного человека, поставленного во главе правительственной иерархической машины, для уничтожения современного порядка»¹². Но автор без достаточных оснований приписывал этот свой взгляд самим ишутинцам¹³ и утверждал поэтому, будто «отдельный случай выстрела, конечно, не мог входить в программу тех людей». Если, как нам теперь известно, инициатива Каракозова не встретила одобрения у большинства его ближайших товарищей, то это находит объяснение не в принципиальном расхождении по вопросу о терроре, а в разногласиях по поводу уместности и целесообразности покушения на царя в данное время.

Следует отметить, что в целом характеристика взглядов и деятельности ишутинцев в статье «Пропаганда и организация» носит сильно идеализированный характер, свидетельствуя, между прочим, о том, что сам автор разделял те или иные из их (ишутинцев) ошибочных, мелкобуржуазно-утопических представлений. Неубедительно звучит утверждение автора, что ишутинцев, «по их трезвому пониманию революционно-социалистической деятельности, по их практическому отношению», «можно смело назвать первыми русскими практическими революционерами-социалистами». Масштабы организационной и пропагандистской работы ишутинцев и ее практические достижения в статье очень преувеличены, отдельные планы, находившиеся еще в стадии подготовки, выдаются за нечто реализованное и т. п. Конечно, наши оговорки и возражения не относятся к тем моральным оценкам участников ишутинской группы, в том числе Каракозова, которые содержатся в статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Народное дело» — революционный журнал, основанный в Женеве группой русских эмигрантов (Н. И. Жуковский, О. С. Левашова, М. К. Элпидин, Н. И. Утин) во главе с М. А. Бакуниным. В 1868—1869 гг. было напечатано четыре выпуска этого издания (№ 1, 2—3, 4—6 и 7—10), хотя предполагалось, что журнал будет выходить два раза в месяц. С апреля 1870 г. «Народное дело» стало органом Русской секции I Интернационала (вышли № 1, 2, 3, 4, 5, 6—7).

Принципиальные разногласия, обнаружившиеся между Бакуниным и «молодой эмиграцией», привели после выхода первого номера журнала к расколу в редакции

и выходу из нее Бакунина, Жуковского, а затем и Элпидина. Руководящую роль в новой группе, издававшей журнал (Е. Дмитриева (Е. Л. Томановская), А. Д. Трусов, В. И. и Е. Г. Бартеневы), занял Н. И. Утин. Направление «Народного дела» постепенно изменилось (см.: Б. П. К о з ь м и н. Русская секция первого Интернационала. М., 1957, с. 176—183). Новая редакция повела ожесточенную борьбу против бакунинского анархизма и его авантюристической агитации в пользу немедленного переворота, противопоставляя бакунинскому «вспышкоупускательству» доказательства необходимости тщательной подготовки к народному восстанию. В 1870 г. группа, издававшая «Народное дело», организовала Русскую секцию первого Интернационала (о «Народном деле» см. также: ЛН, т. 62, с. 624—625; Б. С. И т е н б е р г. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964).

² П. Л. Л а в р о в. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. 2-е исправл. изд. Л., 1925, с. 14.

³ Статья имеет подзаголовок «Дело прошлое и дело нынешнее», но фактически задачи «дела нынешнего» оказались в ней затронутыми очень бедно и слабо.

⁴ Автор имел в виду дело харьковского кружка Муравского, Бекмана, Завадского, Ефименко и др. Кружок действовал в 1856—1857 гг. Участники кружка, раскрытого властями лишь позднее, подверглись различным репрессиям в 1860 г. В 1862 г. они действительно были вновь арестованы — не прямо по поводу петербургских пожаров, а в связи с «крамольными» письмами Муравского и др., которые были найдены при обысках (впервые — при обыске у Николая Серно-Соловьевича). История харьковского кружка рассказана в работе Б. П. Козьмина «Харьковские заговорщики 1856—1858 годов» (Харьков, 1930). О дальнейших злоключениях бывших участников кружка см. в статье М. К. Лемке «Молодость «отца Митрофана» (М. Д. Муравского. — Ш. Л.) в его книге «Очерки освободительного движения шестидесятых годов» (СПб., 1908).

⁵ Конечно, наименование «тайного общества», пожалуй, чересчур громкое для большинства, по крайней мере, тех кружков, которые примкнули так или иначе к «Земле и воле».

⁶ «Все(...) личности, родные по убеждениям, по стремлениям, по вражде к существующему порядку, но разьединенные, разбросанные одиноко по всей России, а потому бессильные, должны дружно сплотиться в один союз, идущий к одной цели, действующий как один человек. Достигнув этого, уже не трудно будет сойтись с народом». «Надо только, чтоб образовалось верно; правительственные сумасшествия, чиновничьи грабежи, помещичьи зверства не замедлят превратить его в глыбу» («Ответ Великоруссу». — «Колокол», л. 107, от 15 сентября 1861, с. 894).

⁷ «Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и Земский собор. (Окончание).» — В кн.: Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 640).

⁸ П. Л. Л а в р о в. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925, с. 14. — Там же Лавров прямо цитирует место статьи «Пропаганда и организация», говорящее о подготовке революции в России «на коренных социалистических началах», и как бы в полемическом смысле заявляет: «не видно ни из каких данных, чтобы «тайное потевневское общество» или «офицерский комитет» имел в виду классовую борьбу представителей труда и капитала» (с. 14—15). Позже автор «Истории русского революционного движения» Л. Кульчицкий (Мазовецкий), ставя вопрос, была ли «Земля и воля» социалистической организацией, отвечал на него категорически отрицательно, хотя и отмечал факт участия в ней сторонников социализма. «Как целое, — писал Кульчицкий, — она не была социалистической, ибо чисто-социалистических требований не выставляла, — в чем, конечно, нельзя ее и упрекать» (цит. по русскому изданию книги Кульчицкого. СПб., 1908, с. 292—293). В народнической литературе начала XX в. мнения Лаврова и Кульчицкого оспаривались; М. Д. Ратнер в книге «Аграрный вопрос и социал-демократия» (М., 1908, с. 180—181) подбирал «доводы против отрицания социалистического характера» «Земли и воли» 1860-х годов (впрочем, и сам признавая все же, что «вопрос, конечно, остается спорным»).

⁹ Эти выпады являются отголоском прежних трений между представителями «молодой эмиграции» и Герценом; в известной мере они оказались предвестником позднейших, еще более резких (и, частью, совершенно неосновательных) обвинений, выдвинутых Утиным против Герцена. Нападки на Герцена и «Колокол» (без открытого их упоминания) содержатся в начале главы II и в главе III статьи «Пропаганда и организация». В этих нападках справедливые замечания (критика надежд на «Зимний дворец» и прежних выступлений Герцена против тех, кто подобные надежды энергично обличал) перемешаны с неправильными по существу и недопустимыми по форме заявлениями. Между прочим, безусловно необоснованным является утверждение Утина, что до его статьи о движении 1860-х годов будто бы «не было сказано ни одного правдивого слова»: немало «правдивых слов», немало ценных фактов и глубоких наблюдений об этом движении можно было найти в трудах Герцена и Огарева.

¹⁰ Это место статьи отчасти использовано в работе польского историка Юзефа Ковальского «Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше» (русский перевод под ред. И. М. Белявской. М., 1953).

¹¹ Ю. Ковальский. Указ. соч., с. 210.

¹² Характерно, вместе с тем, что Утин не решился в печати высказаться с той определенностью и резкостью, с какими он это сделал в 1867 г. в письме (от 14 февраля) к Огареву, где выразил полное согласие с оценкой покушения Каракозова «Колоколом». «...Самый акт был положительно вреден. Это вполне верно, и я готов бы сказать это публично», — писал Утин Огареву. Публично он этой оценки все-таки не повторил, может быть, считаясь с настроениями части эмигрантской среды, у которой, как было известно автору, такое заявление вызвало бы недоброжелательную реакцию.

¹³ Отмечая, что участников группы, из которой вышел Каракозов, окрестили «названием каракозовцев или ишутинцев», автор справедливо устанавливал: «Последнее название, конечно, вернее, так как Ишутину принадлежало действительно значение одного из главных инициаторов».

ПРОПАГАНДА И ОРГАНИЗАЦИЯ.

ДЕЛО ПРОШЛОЕ И ДЕЛО НЫНЕШНЕЕ *

Тот, кто сознательно читал нашу программу¹, должен был понять, что осуществление ее может быть достигнуто не иначе, как по разрушении всех тормозов материальной и умственной жизни народа и по уничтожении всех враждебных препятствий созданию нового свободного быта. А при трезвом взгляде на нынешнее общее состояние подобными тормозами и препятствиями представляются вся государственная, политическая, административная машина, и все социальное устройство, основанное только на личных интересах привилегированного барства². Там же, где существуют противоположность интересов и враждебность стремлений, где новый жизненный строй требует смены старого безобразия, там идет борьба за взаимное уничтожение, и тем ожесточеннее, чем противоположнее интересы борющихся сторон. До сих пор жизнь человечества всегда слагалась так, что никогда еще ни один шаг на пути к свету и свободе не совершался мирно, и каждая ступень, ведущая в мир новых начал, полита горячей кровью. Англия, пресловутая своим мирным прогрессом, прошла не менее, чем через шестьдесят кровавых революций, и мы видели, какой гигантской борьбой, не оконченной и теперь, достигается освобождение четырех миллионов негров в наиболее свободной из всех стран, в Америке. Вот почему, не имея никакого основания предвидеть и в России возможность иного хода дела свободы, как путем революции, мы полагаем, что свободный русский журнал имеет смысл только тогда, когда он является *органом революционной пропаганды*, который хочет служить интересам русского революционного движения.

I

Во избежание всяких недоразумений и увлечений мы должны заранее определить характер нашей пропаганды, указать, к кому она будет обращена и против кого направлена, в чем ее задача и какая ее конечная цель?

Если б под словом «революция» мы разумели случайный, местный переворот в виде свержения династии или принуждения ее принять известные конституционные гарантии, то мы очень затруднились бы высказать наши прямые воззрения и обозначить наших противников и единомышленников, так как, с одной стороны, мы не знали бы, кто именно не желает того или другого изменения в правительстве, кто его искренние друзья и его тайные враги; с другой стороны, мы недоумевали бы, насколько наше высказывание может предупредить правительство от застижения его врасплох. Но мы иначе понимаем революцию и потому знаем очень определенно, кто должен быть ее врагом и кто может быть ее приверженцем. Для нас

* Текст публикации подготовлен редакцией «Литературного наследства».

Годъ первый

№ 2 и 3

Октябрь, 1868

НАРОДНОЕ ДѢЛО

LA CAUSE DU PEUPLE

S'adresser à l'imprimerie Elpidine et Ce, Terrasse 24, Genève.

Цена 70 Сент.

Prix: 70 Cent.

СОДЕРЖАНИЕ: ПРОПАГАНДА И ОРГАНИЗАЦИЯ. ДѢЛО ПРОШЛОЕ И ДѢЛО НЫНѢШНЕЕ — ИСПАНИК. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И НАРОДНОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ.

ПРОПАГАНДА И ОРГАНИЗАЦІЯ.

ДѢЛО ПРОШЛОЕ И ДѢЛО НЫНѢШНЕЕ.

Тотъ, кто сознательно читалъ нашу программу, долженъ быть понять, что осуществленіе ея можетъ быть достигнуто не иначе, какъ по разрушеніи всѣхъ тормазовъ матеріальной и умственной жизни народа, и по уничтоженіи всѣхъ враждебныхъ препятствій сознанію новаго свободнаго быта. А при трезвомъ взглядѣ на нынѣшнее общее состояніе, подобныи тормазами и препятствіями представляются все государственныя, политическія, административная и финансовая машина, и все социальное устройство, основанное только на личныхъ интересахъ привилегированнаго барства.

ЖУРНАЛЪ «НАРОДНОЕ ДѢЛО» (ЖЕНЕВА, 1868, № 2—3)

Страница первая. Фрагмент

В этом номере журнала опубликована статья Н. И. Утина «Пропаганда и организация».

революция означает целый новый быт, целый строй общественности, в котором все противоположено и иначе, чем в нынешнем порядке, в котором иное развитие ума, иное нравственное отношение, иное материальное устройство. Обусловленная разрушением существующего порядка, революция, естественно, приобретает себе напряженных врагов во всех пользующихся исключительными удобствами такого порядка, т. е. во всех, кто входит в состав правительственных, привилегированных и имущественных классов. Ставя вопрос таким образом, нам не к чему будет колебаться в своей пропаганде и принимать в ней извилистую линию вместо прямой. Нам нечего рассчитывать на игру в жмурки с правительством, мы хорошо знаем друг друга и нам нечего обольщаться скромностью российской образованной обществу, оно все равно яростно завопит на всякое революционное проявление. Революция все равно заставит его отказаться от нынешних интересов и воззрений. Таким образом, все, что не только против нас, но даже и не вполне за нас, отшатнется с первого раза, пока позже, может быть, поймет и свой личный интерес в одном общем.

Приверженцы нашей пропаганды очень хорошо знают, вместе с нами, что от прямого, открытого высказывания видимое число сочувствующих ей уменьшается; но это явление для нас нисколько не прискорбно, а напротив — полезно, потому что, в сущности, от того ничуть не уменьшается, а увеличивается внутренняя стоимость, содержание наших единомышленников. В эту минуту с нами окажутся только закаленные и непоколебимые, и хотя бы число их было гораздо меньше, чем оно есть, оно непременно будет расти и, взростая, явится силою, с которою уже поневоле придется считаться именно вследствие грозящего уничтожения всем партиям, враждебно ли, легкомысленно ли относящимся к революционному делу.

Точно так же отстраняется возможный упрек в неосновательности разоблачения пред правительством наших стремлений и целей. Революция,

как мы ее понимаем, стоит вне всякого правительства; она не может быть закуплена тою или другою уступкою, тою или другою дарованною льготой. Но в то же время, как правительство ничего не может сделать для удовлетворения требований свободы, обусловленным его же гибелью, — оно не смеет, при общем глубоком сознании запутанного экономического и общественного положения страны, отказаться от личины прогресса и провозглашает себя правительством не застоя, а реформ. Бессильное, чтобы уничтожить наши требования, оно, вместе с тем, со всех сторон обнажено для нашей критики, — и не только с точки зрения наших социалистических начал, но и вообще с житейской точки зрения, доступной его близоруким доброжелателям. Поэтому каждый ежедневный промах правительства, каждое неизбежное противоречие, каждая келейная проделка, помимо преступлений при белом свете, будет приниматься нами в расчет и, изобличенное, ускорит его падение и близость революции.

Устраняя таким образом сомнение в пользе или ущербе делу от прямого радикального выражения нашей пропаганды, мы, в свою очередь, считаем крайне важным иной вопрос. Падение существующего порядка и замена его новым — вне сомнения. Наши начала, создаваемые экономически и исторически на точных, истинных выводах, должны восторжествовать в конце концов, ибо то начала свободы, безбедности и процветания не для меньшинства и не для большинства даже, а для всей численности народа. Пред нами только стоит *вопрос времени*: когда, скоро ли приблизится возможность осуществления новой жизни? вопрос важный вовсе не из пустого рьяного нетерпения, а потому, что мы знаем, что пока эксплуатация жизни остается в ведении привилегированных классов, до тех пор, во все время такого зазорного господства, наносится жестокая гибель, кровавая трата народным силам. Вопрос этот находит себе ответ в главной и существенной задаче нашего дела, от быстрого или медленного разрешения которой зависит медленность или быстрота его успеха. Задача заключается в умении отыскать доступ в народ для нашей пропаганды — для того, чтобы проникнуться взаимным общим пониманием и объединить с ним наши революционные воззрения для совокупного требования осуществления их.

Так, достижение пути в народ, умелость сказать ему наше полное открытое слово и вызвать в нем, в свою очередь, живое согласное слово, обусловливает выполнение первой цели нашего дела — падение нынешних порядков. Вот почему, для того чтобы быть живой и осмысленной, наша речь должна опираться на живых людей, которые понимали или поймут, что для осуществления стремлений свободы требуется, помимо слова, железная воля и непоколебимая энергия, зовущая жизнь на гармонию слова и дела, а не на разлад меж ними, разбивающий речь в праздную риторiku. Вот почему наша пропаганда должна быть направлена на формирование стойких и умелых проводников революционного промысла в народ, на образование потребной для народного дела сплоченной организации из всех находящихся под руками и в разброс революционных элементов.

Где же эти элементы? найдутся ли такие проводники? возможна ли такая организация?

II

Всюду кроются эти элементы, везде найдутся те люди, всегда возможна такая организация, потому что уже были такие люди и уже существовала такая организация³. Про то знают и наши друзья, утратившие лучших из нас, и наши враги, казнившие их. Строя наше дело на связи с прошлым революционным делом, обновляя традицию его прошлых участни-

ков, тем более должны мы напомнить теперь о движении шестидесятих годов, что о нем никогда еще не было сказано ни одного правдивого слова. Трусливые враги его молчали до первого казавшегося поражением свободного дела, и потом стали кидать в него наглой клеветой и глупой бранью; а малодушные друзья его, начав с дилетантской сентиментальности, кончили тем, что покаялись и высказали слезное сожаление и сомнение о силе и годности дела, за которое, может быть, и не стоило проливать кровь! ⁴

Самые участники дела молчали. Да и где им было говорить? Уцелевшие должны были продолжать свою работу; другим надо было бороться с судными комиссиями в крепостях и острогах; третьи отшатнулись и, раскаявшись, ушли в мирное течение законами огражденной жизни; четвертые, наконец, не считали возможным выставлять дело преждевременно, так сказать, на исторический суд того образованного общества, которого они не признавали и не признают за своих судей; время не пришло ранее, и бессмысленно было бы давать возможность лишним казням. Вместе с тем, все дело движения было слишком живо и близко, чтоб требовалось напоминать о нем людям, способным сочувствовать ему и участвовать в нем.

Теперь же пришла пора выяснения, и мы сделаем это, хотя предупреждаем, многое останется недосказанным и неразоблаченным; праздному любопытству мы не дадим пищи, а люди одного толка с нами сами поймут, что надо, и то, что требует умолчания, переходя неоглашенное из уст в уста и созывая людей на работу. Кроме того, мы не нарушим строгого принципа всех людей того времени: мы не назовем ни одной из личностей и не станем выставлять отдельно деятельность того или другого; то было дело, которому личность отдавалась с полной, безрассудною преданностью, и бескорыстно скрывалась в общем единодушном стремлении по пути к задуманной цели. То было дело не отдельных авторитетных зачинателей, а целых кружков и ассоциаций, выросших одновременно повсюду на русской почве и отовсюду искренно шедших к общему объединению.

Быстро выросшее, смело провозглашенное, случайно сорванное с избранной дороги, то дело могло быть временно разбито, но никогда не убито; оно могло смолкнуть, но не умереть, оно могло порваться, но не сгинуть. Наши единомышленники свяжут его снова, и зарученные прошлым опытом, наученные нашими ошибками, крепкие, закаленные среди всех неудач, убежденные в непреложной необходимости дела, сильные и смелые своей преданностью, они восстановят его в большей полноте и в улучшенной системе действий. Таким людям прошлое дело известно, и не для них должны мы напоминать о движении 60-х годов. Но есть другие, которые станут такими же; они пришли на наше поле позже и потому прошлое дело не вполне знакомо им; когда они лучше узнают его, оно и для них станет близким, станет насущною потребностью их жизни. Есть и еще люди, юные скептики, в силу незнания и непонимания вовсе неудовлетворенные официальным прозябанием, чахнувшие в мещанском застое и в то же время не идущие к трезвому исканию единственного выхода. Для их пробуждения столь же нужно знание прошлого, сколько и убеждение в осмысленности настоящего дела, и тогда они могут стать серьезными участниками организации. Для таких и для многих, подобных им людей, для такой живой связи настоящего с пробужденной и возобновленной традицией, будем мы знакомить в журнале с историей 60-х годов ⁵, и на этот первый раз постараемся напомнить, хотя в очень общих чертах, о первых проявлениях революционной партии, о ее побуждениях и путях, о связи партии в самой себе в разное время, о препятствиях и неудачах, и наконец об общем значении всего движения.

С первого же слова мы должны заговорить и остановиться на одном только слове из всех образованных классов, на юношестве. Оно одно на

своих плечах выносило все движение, при неблагодарности роли всего остального общества. Впрочем, это так и должно было быть и вполне понятно; стоит только взглянуть на состав нашего юношества. Студенты и семинаристы по преимуществу, они пришли в университет и духовные академии, или не дошли до оных, всё же все идя по большей части одним и тем же путем, путем побоев и нищенства, путем наглого презрения к их личностям дома и в казне, путем мрака школьной книжки и ненависти к ней. Они шли в центральные города с иллюзией, не в конце разрушенной «всеероссийскими розгами», с надеждою целых годов на свет иной какой-то науки, на приобретение образования — труда для обеспечения существования. Дети села и близкие к народу, многие шли за образованием с осознанной или даже полусознанной целью поделиться позже образованием с народом, воспользоваться образованием для изыскания средств к *улучшениям* в народном быте.

В отрицательном смысле, «высшее образование» у нас тоже не дурная школа среди многих других, представляемых общественной обстановкой для приготовления революционеров. Понятно, какое поражение ждало в университетах молодые умы. А между тем благодущное царствование готовило юношеству западню, подобно которой не измышлял весь николаевский период ⁶. Принужденное спастись от очень уж грубого невежества и казнокрадства, правительство захотело допустить в свои канцелярии и более просвещенных верных служителей. С этой целью, прикритою самоотверженным либерализмом, было отменено ограничение числа студентов. Юношество бросилось в университеты со всех концов России, пешком, на последние гроши. Здесь, во взаимном обмене понимания и воззрений, между людьми всех сословий и состояний, всякого происхождения и самых разнообразных пластов; здесь, в товариществе, гораздо более в университетских коридорах, чем в аудиториях, гораздо более за серьезной книжкой и живую беседу в тесных кружках, чем за тетрадью официальной схоластики, совершалось самообразование и самовоспитание тысячной толпы пролетариев того особого смысла, которого экономисты еще не раскусили. Только правительство раскусило следующее обстоятельство: тысячная толпа оказалась крамольною и буйною; они вовсе не думали готовить себя в верноподданные писаря, они предпочитали идти в писаря народные *. Правительство не поняло только того, что, с одной стороны, молодость, до тех пор, пока общество устроено так, что человек быстро дряхлеет в нем и изнашивается в корыстных дрязгах, молодость физиологически составляет стихийную силу,двигающую вперед все остальные расслабленные элементы, или сталкивающую их за негодностью в сторону. С другой стороны, большинство юношей, вышедшее не из столичного салона, а из провинциальной, более близкой к народу среды, естественно сохранило здоровое неразвращенное отношение к народу, как к единому полновластному владельцу и распорядителю своей страны.

Уже из такого положения ясным представляется, почему движение студентской и семинарской молодежи началось одновременно с общим движением, с крестьянским вопросом. Правительство думало сначала усмирить и исправить бунтовщиков келейным образом; первый погром выпал на долю Харьковского и Киевского университетов ⁸. Юноши собирались в Харькове в кружок и толковали не о карьере и чинах, а о народе и осво-

* В 1862 г. был циркуляр министра внутренних дел, запрещающий допускать студентов в должность сельских писарей под предлогом, что высшее образование студентов не соответствует такому ничтожному занятию (каково понимание цели образования) ⁷. И заметьте, это было тогда, когда правительство должно бы было нуждаться в такой сильной и честной помощи для осуществления своих реформаторских замыслов, если б оно только серьезно о них думало. Кроме того, в приговорах над студентами в 1861 г., между прочими лишениями, было недопущение в волостные писаря.

бождении. Юноши возымели неосновательность не увлекаться и не верить правительственным сердобольным возгласам, при самом же начале; одновременно с появлением первого циркуляра о предпринимаемом улучшении крепостных, появился в Харькове писанный памфлет, строго и обстоятельно разбиравший этот циркуляр⁹. Появилась вскоре за тем и военная комиссия, аресты, заточение в крепости и далекая ссылка. Позже тех же юношей не оставили в покое даже и в ссылке, и в 1862 г., по поводу петербургских (!) пожаров, их снова воротили в Петропавловскую крепость — изо всех отдаленных концов России¹⁰. Одни из них умерли, зачехнув в ссылке, другие в каторге; третьи остаются и до сих пор в ссылке; немногие смирились и успокоились.

Таков был первый исправительный прием правительства; мы указали на него, как на прообраз всех последующих противодействий свободному движению и чтоб не иметь надобности повторить того же самого по поводу каждого гласного проявления борьбы.

Едва улеглась харьковская история, как студентство в Казани высказало свое омерзение к либеральному правительству и свое единомышленное с народом отношение к «казенной воле», по поводу безднинского усмирения¹¹. Правительство решилось «пресечь зло в корне» новоизобретенною небывалою мерою. Снова и прямо ограничить число студентов неудобно, значило бы признаться в своей глупости. Решено было отменить бесплатно для неимущих и чрез то лишить их возможности оставаться в университете. Более счастливых, родные коих имели бы 50 руб. в год, отдать под строгий дисциплинарный надзор университетской полиции¹². «Возмущение студентов», охватившее одновременно (в 1861 г.) почти все университеты, осветило собою два начала, присущие сознанию молодежи: *начало социального равенства*, — все учащееся юношество требовало равного и одинакового для всех права образования и напоминало правительству, что, требуя бесплатного обучения, оно вовсе не требует дарового, ибо раз что существует казна, обирающая и давящая народ налогами, то гораздо лучше было бы возвращать хоть миллионную ее часть на его образование, чем содержать на нее шпионов и усмирительные команды. Другое начало, *политическое*, выражалось в сознании неизбежности борьбы с правительством. Поводом к студентской истории было покушение на все студентские учреждения¹³. В течение нескольких лет студенты добивались возможности устроить кассу взаимовспоможения и ссуд, для обеспечения существования многих из товарищей в продолжение курса; завели на общие средства читальню и библиотеку, где находились необходимые газеты, журналы и книги; образовали, наконец, особый, так сказать, самосуд, с одной стороны, для ограждения себя от притязательного вмешательства начальства, с другой, — для строгого преследования в своей собственной среде всякого скверного и подлого поступка. Даже из этих нескольких слов видно, что все эти учреждения были существенно потребны для студентства: уничтожение их являлось равносильным для многих — в иных университетах для большинства — уничтожению самой возможности существования в университете, уничтожению доступного, при помощи студентских библиотек, самообразования, и наконец, уничтожению всякой солидарности, всякой взаимной ответственности и поруки в среде студентской за честность друг друга. Такова действительно была цель правительства, и оно опять не рассчитало, в каком виде представляется оно, какое презрение вызывает оно в беспристрастных людях, когда открыто сознается, что не может в своих интересах допустить образования и честности всего молодого поколения *. Такое покушение на человеческое развитие

* Что правительство своими мерами желало именно довести студентов до невозможности существовать в университетах, это оно заявляло и позже, запрещая, напр., студентам объявлять в газетах об искании ими уроков, этого главного источника содер-

молодежь встретила решимостью отстаивать свои права и убеждения до крайних пределов, не взирая ни на какие угрозы. Правительство отвечало солдатами и крепостью, закрытием университетов, исключениями и ссылками на родину и в отдаленные губернии.

Правительство смирило и разогнало юношество из университетов, но крепость и остроги оказались иными воспитующими университетами. Движение с этих пор приняло ход весьма последовательного развития. Если нельзя сходитьсь и обмениваться мыслями явно, то всегда возможно тайно; если препятствуют умеренным явным действиям, то никакими средствами не могут препятствовать энергичным тайным действиям. Это простое логическое размышление, естественно, должно было представляться каждому, кому грозило правительственное насилие.

III

Здесь начинается другой, деятельный период, знаменующийся переходом молодых сил от первоначальной явной оппозиции некоторым мерам правительства к сознанный потребности не оппозиции и не противодействия, а прямой неуклонной борьбы со всем правительством, не для отмены той или другой меры, а для отмены его самого.

Первые шаги революционной партии, первое проявление ее были встречены всем обществом с большим сочувствием, точно так же, как и студентские истории. Печальное, пагубное сочувствие, из-за которого партия поплатилась многими ошибками и промахами! Беда заключалась в том, что и общество и революционная партия находились тогда в особенном положении. При начале своего образования, на новой, невзрытой еще почве, партия не сразу распознала, какие элементы пригодны и какие должны быть отброшены за негодностью. Осуждение правительства, презрение к нему охватило тогда все слои общества. Агитация, агитационная борьба или вернее спорная игра с правительством из-за того, кто кого одолевает, оно ли достигнет нашего смирения, или мы вынудим его на новый ряд компрометирующих, скандалящих и позорящих его мер? Расчет, на чьей стороне более приверженцев: на стороне ли правительства или на стороне его порицателей, все это интриговало и бесконечно занимало все общество. Увлечение шло до того, что в тайные общества и заговоры шли не только молодые люди и не только те дорогие исключения, которые всегда были и будут и которых молодежь всегда ценит в своей среде, как любимых братьев и полезных друзей, а вообще шли люди всякого возраста, и весьма различных общественных положений¹⁵. Единственное препятствие, которое представлялось тогда для дальнейшего распространения агитации, заключалось в сомнении многих о том, возможно ли, удобно ли начинать борьбу не на легальной почве. Люди эти очевидно забыли, что никакой легальной почвы у нас и не существует, и не понимали, что борьба всегда возможна. Следовало прибегнуть к тому или другому доказательству и уверению, так как в то же время правительство начинало снова преследовать печать и литературу¹⁶, боясь свободного слова, то и сочтено было нужным показать ему возможность свободного слова иным путем. Отсюда рождается появление прокламаций, подметных листов¹⁷.

жания¹⁴. Другая очевидная причина такого запрещения — боязнь правительства за «вредные идеи», разносимые студентами. Кроме того, должно вообще обратить внимание еще на одно из главных побуждений, руководивших правительством в его поведении с студентами; прежде прямого уничтожения касс и библиотек оно задумало только изменить их сущность и состав: отдать кассы в ведение университетского правления, которое само избрало бы из студентов распорядителей. Естественно, таким вмешательством оно хотело внести в студентскую среду подкуп, покровительство своим угодникам и гонение своим порицателям в молодежи. Молодежь, конечно, не поддалась на такую ловушку.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЖАРЫ

Горят здания Щукина двора, Апраксина двора и Министерства внутренних дел

Гравюра по рисунку Кузнецова

«Illustration», 5 июля 1862 г.

Первые листки встречены одобрением, с ними носились, громко толковали о них, рассуждали и вполуслух о тайных комитетах. Значит общество сочувствовало им? — Какое же было их содержание? Ответ на этот вопрос сразу объясняет и гражданское отношение и умственное положение нашего образованного общества. Первые листки говорили об ошибках правительства, о его неумелости управлять делами страны, о потребности единомыслия и единодушия в стремлении к переменам в свободном смысле; объяснялось при этом о составлении кружков для агитации конституционного вопроса. Общество не видело никакого риска в сочувствии конституционализму, тем более, что поговаривали, будто и «сам царь» не прочь от конституционного соблазна. Винить общество в наивной и трусливой надежде на царя нельзя. В то время в прессе, и даже очень либеральной, возлагались надежды преимущественно на «Зимний дворец»; люди, смевшие глумиться над трогательными взываниями <к> освободителям <из> Зимнего дворца, провозглашались желчными, слепыми догматиками и юродствующими демагогами¹⁸.

Таким образом, общество охотно принимало конституционную агитацию и снисходительно относилось к приглашению составлять кружки: пусть-де в них идет пряткая молодежь, это дело не важное!

Когда же в мае 1862 г. раздалась прямая, ясная речь *Молодой России*, общее положение и взаимное положение партий определилось: дилетанты, хлестаковы и репетилоры отбросились от молодой партии с ужасом, все образованное общество оттолкнулось, убоясь близости расправы, утрашась, что юношество идет не на пустословный союз с ним, а на серьезный союз с народом¹⁹. Дрогнули и иеремии либеральной прессы и оплакали

судьбу погибших от своего увлечения юношей, которых народ-великан не признал за своих детей и побил в темную ночь!..²⁰

Никакой темной ночи не было, напротив, все было очень ясно. Придирка правительства к пожарам, налыгание на молодежь, будто она поджигает, только показывала, до какой степени правительство растерялось при первом громком слове и до какой степени оно шатко, если должно прибегать к мерам, подобным несообразной клевете, пущенной в ход при увеличении полицейских чинов в одном Петербурге на целую тысячу воинов!²¹ Тут же оказалось, что перереяженные будочники и опоенные лабазники вовсе не народ и что народ не признал за своих детей не юношей, а военные команды. Урок был дан не нам, а правительству: в разных местностях народ энергически отказывал во всяком доверии к правительству, гнал вон его команды * и сам брался за ружье или топор для ограждения от поджогов со стороны официальных наездов.

Небывалый погром вздумало произвести правительство: со всех концов везли людей в крепости, наполняли остроги, метались из угла в угол с ночными обысками, хватали стариков и детей, юношей и женщин. Совершенно излишне было скрывать: ловко воспользовавшись клеветой о поджогах для своих замыслов, выбили, выхватили из революционных рядов нескольких или многих. Но, во-первых, какое большое число схвачено было не причастных к революционному делу лиц, и скольких чрез то восстанавливало против себя правительство? во сколько семей вносило оно непримиримую вражду к себе, на скольких отдаленных концах России оповещало оно о существовании грозящего ему гибелью революционного общества и скольких приучало чрез то к мысли о возможности его гибели? во-вторых, если б можно было разбить одним погромом всю революционную силу, весь ее состав, то не стоило бы и говорить о ней как о ничтожной, судьба которой подвергалась случайному погрому.

IV

Погром 1862 г. открыл только пред всеми, что враги правительства кроются и там, где оно вовсе не ждало того, в «верном воинстве». За год пред тем, во время студентской истории, правительство думало о том, «не протрезвить ли юных людей в рядах русского воинства»; молодые люди, в свою очередь, стали тоже думать, не протрезвить ли ряды русского воинства? и молодые люди те были не только студенты, а преимущественно

* Во время известного Симбирского пожара в 1864 г., истребившего весь город, симбиряками чуть не был убит полковник Самарского полка, квартировавшего тогда в городе; и только благодаря прыжку лошади удар дубины, направленный в полковника, пришелся заду лошади. На второй день полк, по настоянию жителей, был удален из Симбирска в Самару. Справедливая ненависть к *защитникам отечества* была до того велика, что народ, поймав двух офицеров того полка, начал их бить, и один из них тут же поплатился жизнью, а другой, избитый, был посажен в острог. Что народ в этом случае не был увлечен слепой, бессознательною яростью, это доказывается тем, что оставшийся в живых офицер привлечен был к следствию по пожару, равно как и полковник потом был арестован и уличен несколькими солдатами в участии в поджогах, заключавшемся в подкупе поджигателей и раздаче зажигательных материалов (солдаты содержатся в тюрьме и теперь), и если бы не смерть Жданова, то последнему, вероятно, не сдобровать бы. Но вскоре после таинственной смерти Жданова, который, переводя производство следствия в Петербург, распорядился было перевести туда и Бендерского (фамилия полковника), последний был освобожден. Оно и понятно: улички, бывшие у Жданова, исчезли при его внезапной смерти. Администрация в лице губернатора и полиции пользовалась не большим доверием и в продолжение нескольких дней была совершенно устранена от всякого вмешательства в дела погорельцев. Симбиряки энергично заявили, что если администрация раньше мало заботилась о них, так они теперь и подавно в ней не нуждаются, и действовали так, как будто бы ее и не существовало.

Губернатор и полицмейстер были вскоре затем удалены²².

офицеры. В том поколении молодых офицеров, в академиях и высших военных училищах, революционное дело встречало многих готовых служить ему²³. С тех пор союз между юношеством всех различных положений не порывался, а ковался крепче и энергичнее, связанный общим преследованием. А правительство, видя врагов повсюду, должно было сознаться громогласно, что оно может опереться только на невежество народа: воскресные школы были закрыты по всей России, в них молодежь общалась с народом, что и признавалось опасным: «бессмысленные идеи мятежных фанатиков» оказывались сочувственными народу²⁴. Правительство заявляло во всеуслышание, что народ читал в школах «Молодую Россию» и не растерзал юношей!! Среди разгрома правительственной и общественной реакции революционное дело вступало в новый период своего образования. Организовалось тайное общество, известное публике под именем «Земля и воля». Оно вовсе не было основой тайных обществ, они уже существовали во многих местностях, и каждое из них, отдельно взятое, могло бы представить весьма интересную и поучительную историю. Конспирационное же значение общества «Земля и воля» заключалось в поставленной им задаче слить все отдельные революционные общества и кружки в одно целое, связанное для дружного, общего действия всюду в одинаковом единодушном смысле. Ближайшая цель «Земли и воли» была высказана им самим: оно столько же стремилось к самосозванному Народному Собранию, сколько хотело помешать возможной случайности созвания правительством официального Земского Собора, т. е. дарования какой-нибудь непристойной конституции. Общество «Земля и воля» видело столько же пользы в Собрании Народном, сколько зла в государственном; оно открыто сознавало, что Народное Собрание обуславливается предварительным уничтожением правительства, и оно ставило последнюю задачу своего существования ограждение Народного Собрания, посредством своей разветвленной организации, от всяких привилегированных и имущественных интересов; оно хотело таким образом вызвать Народное Собрание для того, чтоб народ сам, собранный в лице своих избранных доверителей, — поставил главные основы для своего нового быта.

Средством к достижению такой цели «Земля и воля» считала прежде всего стройную, крепко сплоченную и широко разветвленную «Организацию пропагандистов» ввиду способствования для позднейшего образования другой широкой «Народной организации вооруженных борцов». Первые организации, конечно, образовывались все из того же жизненного элемента среди образованных сословий, который один и мог бы нести в народ сознанный революционный помысл. В этом-то и заключалось стремление «Земли и воли» при образовании революционных узлов и сетей повсюду в России и между всею молодежью, начиная с уездного училища и проходя через семинарии, институты, корпуса, академии, университеты и разные служебные места.

V

Развитие общества «Земля и воля» и его дальнейших действий было остановлено тем крайне серьезным вопросом, в котором русские революционеры стояли в совершенно исключительном положении. В 1862 г. периодически польский вопрос поднялся во всем своем разгаре. Многое в разрешении его находилось в связи с тем, как отнесутся к нему русское общество, войско и народ? — Никогда, может быть, ни в одном вопросе правительство не зависело в такой степени от мнения и расположения общества в ту или другую сторону. Мы прямо скажем, что если поляки были обмануты французским и английским правительствами и обществом, то обвинение в обмане должно пасть и на русское общество. Оно легко-

мысленно кокетничало с поляками, с их освобождением, и потом остервенело кинулось потворствовать казням их.

В цензурной журналистике до самого польского восстания не появлялось никаких ярых возгласов против поляков; даже статьи передовых журналов, говорившие сочувственно о справедливом желании поляков освобождения, не встречали себе опровержения в тех журналах, которые позже сделали своим ремеслом завывания о польской измене. Так называемое образованное общество продолжало умиляться и нежничать с заграничною русскою прессою, которая неумоимо указывала на необходимое развязывание польского вопроса. Более того, образованное общество отнеслось сочувственно к «Великоруссу», который проповедовал освобождение поляков уже не по царской инициативе, а по инициативе самого же русского общества, выставляя ему на вид все финансовые разорения, всю трату народных сил в войске для насильственного владения Польшею²⁵, и приглашая его требовать от правительства освобождения Польши. Позже, в 1862 г., назначение в Польшу *царского брата*, выражавшее собою кокетничание петербургского правительства, породило в обществе слухи, толки об отделении Польши под скипетром польского царя Константина; и толки эти встречались сочувственно²⁶. Мы увидим немного ниже, как образованное общество испугалось потом, испугалось, конечно, из личных, корыстных причин и как бросилось заглаживать вину своих увлечений.

Совершенно иное, не пустословное, а строгое и обдуманное было отношение к польскому вопросу в революционной партии. Вначале, когда раздались в Варшаве первые выстрелы по протестующим полякам (в марте 1861 г.), в Петербурге была совершена университетскою молодежью публичная демонстрация: панихида в католической церкви по убитым полякам, в которой приняли участие все студенты²⁷. Панихида кончилась пением польского революционного гимна. Смысл демонстрации, конечно, заключался не в религиозной обстановке, которая служила только неизбежным предлогом, смысл лежал в порицании, в протесте против правительства за его насилие над чужеземным народом. Демонстрация получила еще больше значение через то, что накануне молодежь своим присутствием и своими речами на похоронах Шевченка точно так же протестовала и против гнета, душащего малороссийскую народность²⁸. Когда же правительство вздумало преследовать польских студентов за панихиду, то должно было остановиться, потому что увидело, что все русское студенчество открыто решилось принять на себя ответственность вместе с поляками, что русские студенты, протестуя против отдельного изгнания поляков, объявляли свое намерение подвергнуться общему исключению, если будут исключены некоторые из польских студентов.

Идя все вперед, революционное движение молодого поколения охватывало собою всё более элементов, находя себе поборников (как мы указали уже выше) не только в университетах и семинариях, но и в военных училищах, корпусах и академиях. Молодое офицерство являлось многозначительным подспорьем надеждам революционной партии. Но положение его было столь же просто в самой России, сколь тяжело и запутано в Польше. В России оно могло принимать участие в пропаганде между войском и выжидать момента вооруженного восстания против правительства. В Польше оно должно было вполне сообразоваться с польским движением, быстро шедшим к взрыву.

Какую же роль могли играть в Польше русские офицеры? Протестовать в одиночку против насилия *своего* правительства и отказываться вести солдат на поляков? Такое честное поведение, купленное гибелью, всегда рисковало остаться не более как исключением.— Переходить в лагерь поляков? Оно не достигало бы цели, т. е. препятствия войне, если бы так

поступили немногие; если же многие оказались бы готовыми на то, — то им предстояла бы другая возможность действий. Вместо того, чтобы просто переходить в лагерь поляков и чрез то, с одной стороны, оставлять солдат все же воевать под начальством других офицеров; с другой стороны, свести все свое революционное стремление на стремление *чисто* польское, вместо такой пассивной роли они хотели внести свое энергическое участие в дело, которое должно было охватить самую Россию. Желание такого участия основывалось на том, что русские офицеры молодой партии, стоявшие в Польше, ничуть не рознились в своих воззрениях от всей революционной партии в России²⁹. У этой партии было свое дело — подготовка Революции в России на коренных социалистических началах; она считала себя по самому положению и знакомству своему способною действовать только на русской почве. Естественно, что русские офицеры в Польше искали возможности одного общего союзного дела с своими единомышленниками, оставшимися дома. В этих видах было образовано в Польше тайное общество, известное под именем Потемневского, по имени одного из его учредителей и принявшее за знамя свое «Земля и воля!»³⁰ Оно было основано для пропаганды между русским войском, для убеждения его в подлости и преступлении воевать с поляками по приказанию Петербургского правительства, «насилственно» захватившего Польшу; и наконец для побуждения войска принять единственный плодотворный выход из трудного положения: стать освободителями своей родной земли, — оставить Польшу в момент, когда она окончательно заявит с оружием в руках требование своей независимости, и обратить свое оружие на уничтожение в самой России ее самого злейшего врага — Петербургского правительства.

Для осуществления такой цели офицерский комитет соединился с обществом «Земля и воля». Общая пропаганда, проникая через проводников организации в народ, должна была приготовить почву для выступления и встречи русских военных отрядов из Польши, идущих с провозглашением Земли и Воли, с установлением всюду, на пройденном пространстве, нового, народного порядка...

Дальнейшие связи и сношения общества «Земля и воля» с польским революционным комитетом имели чисто стратегический характер. Естественно, что для той и другой стороны обоюдное одновременное действие против одного и того же врага, т. е. против Петербургского правительства, было бы большим или меньшим ручательством за успех. Два важные пункта, соблюденные при переговорах, освещают взаимное отношение к революционному делу.

I. Польский комитет, стоявший осенью 1862 г. во главе польского движения, вполне принимал условия, необходимые для возможности общего действия, именно: полное признание за всеми народностями — не только Украины, но и Литвы — независимо и самостоятельно располагать своею судьбою, устройством своего политического и социального быта. Общность действий обуславливалась обоюдным искренним соблюдением такой гарантии и строгим энергическим ограждением Украины и Литвы от всякого вмешательства с какой бы то ни было стороны.

II. Русский Комитет тщательно предупреждал Комитет польский о том, что еще не скоро можно надеяться на восстание в России, что поэтому польская революция одна и сама по себе рискует погибнуть, если вспыхнет преждевременно. Польские революционеры, в свою очередь, вполне сознавали опасность преждевременного восстания и никогда не решились бы вызвать его в то время, если бы не были вынуждены крайними мерами русского правительства*.

* Набор, равносильный лишению Польши ее самой энергической поддержки в тех тысячах юношей, которые должны были бы отправиться в полки отдаленных губерний России³¹.

В высшей степени важно было при этом указание русских на причину, по которой в России восстание зреет медленно; русские настоятельно ука- зывали на различие в постановке вопросов: у вас (поляков) каждый поляк с вами, потому что вы ставите дело на национальную почву, вы ищете освобождения от чужеземного ига; у нас же вопрос революции не только воп- рос не национальный, но даже и не чисто политический; дело нашей рево- люции заключается в вопросе *социальном*; поэтому против нас будет не только правительство, но и вообще все образованное общество. Наша ре- волюция зреет медленно, хотя зато прочнее. Наши революции пойдут дружно вместе, когда польская программа расширится до неперменной постановки социального вопроса.

С этой постановкой связан был в глазах русских успех польского дви- жения в самой Польше, ибо тогда на изгнание русского правительства вставал весь край, уже не шляхта и духовенство, а все крестьянство.

С этой же постановкой социального вопроса в Польше связана была и надежда русских на *плодотворное влияние* польской революции на Россию; очевидно было, что если бы польские крестьяне получили во имя революции всю землю без всякой платы и выкупа, то сознание о возмож- ности такого овладения распространилось бы между смежными русскими селами и охватило бы все русское крестьянство.

Здесь не место рассказывать известные нам внутренние тайные перемены, происходившие в среде Польских Комитетов, заправлявших дело. Всем известно, однако, что красная, радикальная партия была смещена интригами, угрозами и насилием партии белых, партии католических ари- стократов³². Такая перемена ясно предвещала собою неизбежное падение польской революции, погубленной своими шляхетскими предводителями, обманом и предательским вмешательством иностранных держав, на котором аристократическая партия воображала основать свое торжество.

Гибель тайной организации русских офицеров была вполне связана с уничтожением красной партии³³. Трудные, запутанные отношения ста- новились долее невозможными при нетерпимости аристократо-дворянской партии ко всему не только русскому, но и ко всему противоположному привилегированным интересам. А отступление было невозможно, точно так же, как уход в Россию: поставленные между возможным обвинением в измене союзу с польской революцией и между выбором преждевремен- ной смерти — русские офицеры предпочли последнее, и не один Потебня погиб в битве с войском русского императора³⁴.

Другие утраты невольно наносились русскому делу преждевремен- ным взрывом польской революции и ее поворотом от своего первоначаль- ного широкого смысла к устарелому притязанию привилегированной пар- тии. Дело заключается в том, что даже образованные классы, вероятно, не вздумали бы протестовать против отделения Польши, если б оно могло осуществиться всяким иным путем, но только бы не путем революции. Революции же образованные классы боялись как заразы, которая угро- жала перейти в Россию, а они знали, что, особенно в тот момент, распро- странение революции на Россию означало бы прежде всего имущественный переворот и вступление народа в его полные права на землевладение. Вы- сказать такую боязнь прямо ни привилегированные образованные классы, ни их литературные представители не посмели бы, не желая давать револю- ционной партии столь сильное орудие против себя в глазах народа. Бу- мажным вмешательством иностранных держав³⁵, манифестом аристокра- тической партии о границах 1772 г.³⁶, — как нельзя ловче воспользовались и привилегированное общество и наемные публицисты. Общество сыграло в патриотизм и потянулось длинным хвостом к стопам царя, будто «неся на алтарь отечества свою жизнь и достояние»³⁷. В сущности же оно кралось от этого «алтаря» последние гроши, возбуждая на разорительную войну.

В высшей степени любопытна статистика пожертвований в пользу раненых, вдов и сирот, точно так же, как и статистика заведенных тогда братств для возвращения в лоно православия душ, заблудившихся в папизме. Сумма пожертвований на такие патриотические цели была гораздо ничтожнее, чем даже сумма, потраченная на телеграммы, бумагу и чернила для заказных адресов. А между тем своими патриотическими вакханалиями привилегированное общество сумело оттеснить на задний план весь крестьянский вопрос, и за такую сделку дало правительству взятку: стало рукоплескать казням своих же родных детей и преследованию лиц, вывеченных из его же среды без всякой законной причины.

Удар, нанесенный революционной партией в России таким положением дел, был значителен. Здесь же невозможно умолчать об одной непоследовательности революционной партии, весьма благоприятной для ее врагов. Каким образом она допускала безнаказанно обвинение ее в измене, в предательстве русского народного дела? Изобретателем этих обвинений был Катков. Обвинение, не пресеченное сразу, повторялось потом ежедневно на все лады, с самыми безобразными клеветами всеми газетчиками, наперерыв стремившимися отличиться перед III Отделением. Запевалою и дирижером в хоре донощиков оставался Катков. Объявляя русских революционеров изменниками отечества, он требовал у правительства, от имени всей России, беспощадной казни людей, которых он называл почти по имени, и целой молодой партии³⁸. И действительно, правительство прибегло к мерам, противоречащим даже русским законам. Так, революционерам, по наущению Каткова, отказывалось даже в соблюдении какой бы то ни было общепринятой законности; они объявлялись людьми, стоящими вне всякого закона, людьми, против которых все решительно средства позволены. Что было бы, если б революционеры приняли такой вызов и применили с своей стороны такой же способ действий относительно своих врагов, начиная с Каткова? И это тем более могло случиться, что правительство открыто признавало для себя вред во влиянии одной или другой личности и вырывало из свободолюбивой среды именно те личности, которые считало дорогими для нее и губило их, не стесняясь никаким отсутствием законности. Революционная партия, вероятно, могла тоже признать для себя опасность той или другой личности... Этими словами мы, конечно, хотели сказать не более, как то, насколько опасную игру затевали продажные публицисты, и каким роковым образом могла бы она разыгаться для них, если б на беду революционеры вздумали соображаться в своих мерах с их же собственными требованиями...

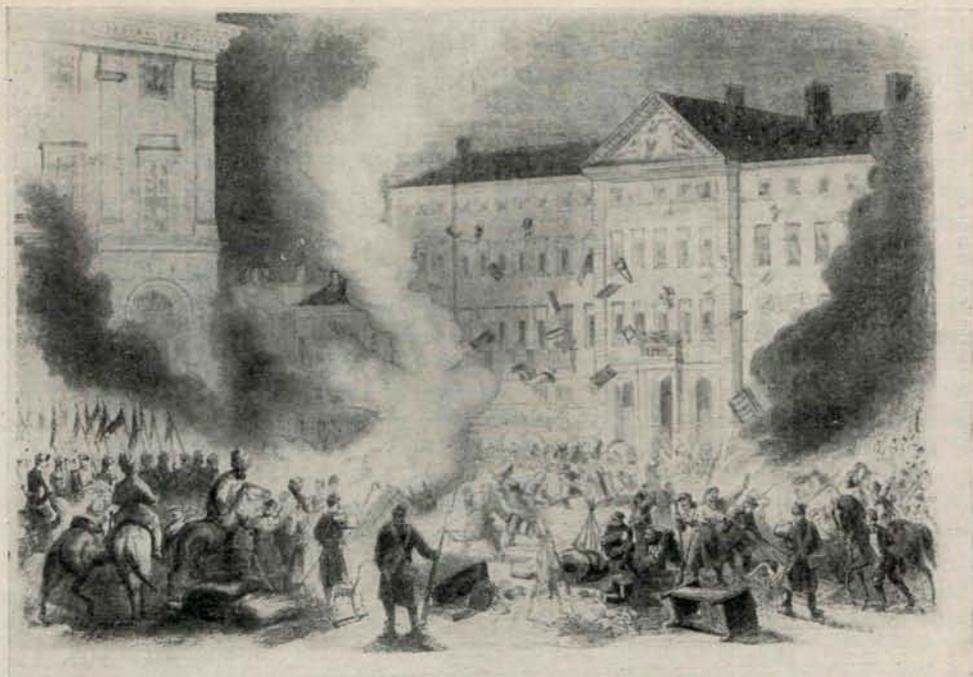
Возвращаясь к польскому вопросу, к дальнейшим отношениям двух партий действия — русской и польской, мы должны прямо сказать, что с тех пор (лето 63 года, гибель Потебни и манифест о границах) очевидно стало, что эти партии руководятся разными воззрениями и держатся разных путей. Русская революционная партия должна была решиться ждать возможности иного, нового союза с польской революционной партией до того времени, когда польская партия признает прямою целью всего своего дела — революцию социальную, опирающуюся на народ и имеющую единственным предметом своим народ. Мы не сомневаемся, что придет время такого отношения поляков к революции; мы знаем, что уже и теперь в среде польской молодежи есть личности, принимавшие не менее других энергическое участие в восстании 63 года и вместе с тем умеющие относиться к революционному делу согласно с социалистическим пониманием. До тех же пор, совершенно отстраняясь от общего действия, мы тем не менее всегда будем желать Польше освобождения от насильственного захвата императорского правительства и всегда стали бы сочувствовать всякому успеху поляков, одержанному над императорским господством.

Остается прибавить только одно замечание для людей, которые имеют право на внимание нашего журнала. Это люди, которые вовсе не пропитаны скудоумным раболепием и фальшивым патриотизмом, но которые, желая оставаться свобододолюбивыми русскими людьми, в то же время совершенно искренно считают невозможным какое бы то ни было сочувствие так называемому «польскому вопросу» и совершенно искренно готовы будут обвинять нас в предательстве и измене русским интересам. Еще и еще раз повторяем мы для таких людей: мы изменили бы и предали бы наше дорогое дело, дело русской революции, если бы не были последовательны. Мы прямо сказали, что, по нашему убеждению, *«интересы русского народа всегда и во всем совершенно противоположны интересам русского императорства»*, мы стремимся и проповедуем уничтожение императорства; мы поэтому будем сочувствовать всему, что способно нанести удар и ускорить разрушение императорства. Мы вдвойне будем сочувствовать польскому освобождению, потому что, кроме того, оно избавило бы русский народ от невольной солидарности с кровавым гнетом императорства.

История и злоупотребления столь тесно связали вопросы о Литве и о Украине с вопросом польским, что мы обязаны — во избежание всяких недоразумений — теперь же сказать по этому поводу наше прямое слово, оставляя до другого раза необходимое обстоятельное выяснение двух совершенно самостоятельных вопросов — малороссийского и литовского.

Социалисты-революционеры могут быть только врагами всякого авторитарного государственного социализма. Поэтому вопрос о Малороссии и Литве не разрешится даже принятием русской или польской партией широкой социалистической программы: насильственный союз во имя социалистического переворота столь же мало может быть навязан той или другой народности, сколь и нынешний насильственный союз во имя бессмысленной государственной необходимости. Мы должны сознавать, что начала, проповедуемые нами, сами по себе влекут соседние народности к союзу с тою, в которой те начала находят себе осуществление. Мы должны помнить, что единственный союз, допускаемый нами, — это *социально-федеративный*, т. е. федеративная связь народностей, устроившихся на социалистических началах³⁹. А федеративная связь полагает существенным условием своим — полное всестороннее самобытное развитие как каждой особой народности, так и вообще всякой группы, сплоченной одними и теми же интересами, одними и теми же понятиями. Государственный же союз всегда вел и ведет к полному уничтожению не только всего самобытного, но и вообще всего жизненного в захваченной народности. Мы слишком хорошо знаем, какое зло, какой гнет терпели и терпят Малороссия и Литва от того или другого господства. Как русские и как социалисты, мы не только не страшились бы отделения Литвы и Малороссии от *русской империи*, но напротив мы желаем той и другой стране полного освобождения. Мы знаем, сколько трат понес малорусский народ, как губили его особое мирозерцание, выявлявшееся в его литературе, в его народных песнях; как покусились даже на грамотность в малорусском народе, как и до сих пор отнимают у него его родной язык⁴⁰. К счастью, все это только еще более послужило неопровержимым доказательством живучести малорусского народа, в котором весь гнет целых веков не мог убить его самобытности, его стремления к своей свободной жизни. То же самое должно быть сказано и о населении Литовского края.

Таким образом, считая, что малорусский народ, как и народности Литвы, могут с пользой внести и свою долю в *общий всенародный вклад мысли и дела*, мы всегда готовы работать вместе с украинцами и литовцами для свержения императорского ярма, и мы радостно приветствовали бы Ук-

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 года
 Взятие дворца графа Замойского в Варшаве
 Гравюра
 «Illustration», 10 октября 1863 г.

раину и Литву, если бы та или другая страна положила начало распадению русской империи, для того чтоб великорусский народ мог сам по себе вступить с ними в свободный социально-федеративный союз.

VI

В конце 1863 года ясно было, что польское восстание еще раз погибло, заявив пред всем миром своим кровавым протестом невозможность какой бы то ни было сделки между польской национальностью и русской империей. В конце же 63 года тайные общества в России должны были прекратить свои внешние действия, чтоб не давать более повода губить напрасно людей. Должна была создаться другая система действий; поэтому и общество «Земля и воля» перестало существовать гласно⁴¹; была признана полезность прекратить прокламационную агитацию, которая выполнила уже свою задачу, т. е., с одной стороны, доказала обществу и правительству возможность борьбы с правительством гласным путем прессы, несмотря на все цензуры; с другой стороны, указала свободлюбивым людям на необходимость дружного соединения для прямой борьбы. Вместе с тем прекратилась потребность в организации распространителей, которая и была распущена.

Время борьбы сменилось лютым систематическим преследованием смолкнувшей партии. Правительство, снова успокоенное со стороны Польши, перенесло свою тамошнюю систему расправы на Россию⁴². Это было естественно и последовательно: «наши внутренние изменники страшнее внешних», — пояснял все тот же безнаказанный Катков⁴³; наши внешние враги вышли в открытое поле и в леса и встречены победоносной армией;

между тем как наши внутренние враги укрываются в недрах российского народа. Давно ли то время (1862 г.), когда горсть смельчаков терроризировала весь Петербург и повергла его в совершенно революционное состояние, когда перед несколькими крикунами в ужасе умолкало все благонамеренное и честное!». Эти внутренние враги являлись, по учению Каткова, не более как слепым орудием той же польской измены! Очевидно, с ними следовало поступать точно так же, как с поляками, — казнить и не миловать.

Эшафоты воздвигались в Польше, Литве и России в течение всего 63 и 64 годов⁴⁴. Аресты тянулись в Москве, Петербурге и других городах до самого конца 64 года, когда все уже давно затихло. В Алексеевском равелине, в губернских острогах морили дорогих и полезных для дела личностей по целым годам; все, что только казалось опасным или даже подозрительным правительству и его литературным соглядатаям, было осуждено на каторгу, на поселение, на острог, на ссылку, на изгнание. Вместе с тем вся русская учащаяся молодежь была осуждена на «невежество и разврат» по самой уточненной и изощренной системе. Университеты не были закрыты, напротив, они снова наполнялись юношами, но им уже нечего было искать здесь и тени образования: университетские кафедры, наполовину пустые и при смещении всех сколько-нибудь годных профессоров, стали служить орудием для притупления всей мозговой способности, для пропаганды полицейского и солдатского величия русской империи. И собрания студентов были допущены, только не на университетских сходках и не в библиотеках, а в танц-клубах, повсеместно устроенных под покровительством правительства: молодежь, посещавшая их, проводившая ночи в безобразных плясках и попойках, находилась у полиции на хорошем счету; в то время как молодежь удалявшаяся уже чрез это одно находилась в подозрении; а это значило, что при первом требовании III Отделения представить виновных того или иного «возмутительного покушения» полиция вырывала наобум ту или другую жертву из числа «подозрительных».

Общество наслаждалось реакцией. Под предлогом зловерности студентов — дети во многих семействах оставались без всякого обучения (правда, за то и деньги оставались в карманах родителей для более полезного увеселительного употребления). Правительство и общество были убеждены, что пришел конец крамольному существованию молодой революционной партии. Они полагали, что сделали с своей стороны все для подавления ее, и, по их мнению, увлеченные юноши радикальной партии должны были, раскаиваясь, броситься в открытую для них широкую дверь служения царю и отечеству, в дверь чиновничьего и полицейского служения. Такой расчет должен был оказаться крайне ошибочен. Очевидно, что враждебное современному порядку понимание жизни, однажды созревшее и двинувшее своих приверженцев на светлый, хотя и опасный путь осуществления новой жизни, очевидно, что такое понимание никоим образом, никоими мерами не может быть уничтожено в том слое общества, который постоянно растет, принимая в себя новых прозелитов, новое поколение. Тем менее могло быть разбито новое понимание жизни — средствами, выбранными правительством и обществом; и если верно, что реформенное движение могло заставлять многих останавливаться на полдороге и принимать за действительный прогресс обманчивый призрак, за перемену порядка одну измененную формальность, то столь же верно и то, что реакционное мракобесие должно было сделать только неизменным и окончательным полный разрыв двух лагерей.

С отброшением всех внешних проявлений революционного движения, ставших мешать ее беспрепятственному ходу, радикальная партия устремилась к выполнению двух задач: образованию самой себя своей среды;

перенесению пропаганды и всего революционного дела на другую почву. Прodelками правительства относительно университетских и других училищ — была уничтожена для передовой молодежи всякая возможность какого бы то ни было образования. А между тем необходимость образования, знания, совершенно основательно представлялась революционерам существенною потребностью для здорового отношения к делу, для построения его на началах, выработанных сознанными потребностями народных масс и формулированных — хоть и далеко не полно еще — теми немногими честными проводниками научной истины, которые шли искать ее в недра народной жизни. Новые люди радикальной партии стали оставлять университеты и искать помощи себе во взаимности, во взаимном обучении, в общем занятии наукою и ее выводами, с отброшением всякой схоластики. Вместе с тем они на деле хотели осуществлять главное условие нормальной жизни, поставленное физиологией и социологией: соединение мускульного труда с нервным. Стремясь к самообразованию, юноши решились применить на самих себе, несмотря на все неудобства того при ненормальном порядке, требования новой жизни: стали искать средств существования не в зависимом от каприза барина пропитании уроками и т. п., а в более производительном труде, в труде ремесленном, в типографиях, переплетных, на различных фабриках.

С небольшими средствами, в короткое время, среди общей реакции группа юношей дружно сошлась между собою и стала заводить с изумительною быстротою и ловкостью всякие школы для обучения безграмотных юношей из так называемого простого народа, всякие ассоциации и, наконец, даже фабрики⁴⁵. И не на одной Москве сосредоточивалось все их внимание к работе; сеть их стремлений раскидывалась дальше; они шли на фабрики в разные губернии, они во многих местностях обучались ремеслам и в то же время обучали народ грамотности, чтению хороших книжек, издание которых тоже имелось ими в виду. Они не считали нужным заявления о себе; они действительно не допускали никакой легкой речи с народом, ограничивающейся только революционной фразеологией. Получив сознание, что русское дело не стоит еще накануне Революции, что требуется предварительная долгая подготовка в среде самого народа для того, чтоб революционное дело или было поднято самим народом, или нашло себе энергическую поддержку в нем, они брались не за агитацию среди общества, а за пропаганду в среде самого народа, не только словом, но и делом, путем действительного сближения, путем общения и разделения с народом и его труда и его быта.

Внося в народную сферу, в народное понятие об артели более широкий смысл всесторонней ассоциации, основанной на развитии и взаимности всех интересов соединявшейся производительной группы, новые пропагандисты, заслуживая своим личным трудом доверие народа, расширяли горизонт рабочего люда; указывали ему на возможность такого устройства и фабричности и земледелия, при котором было бы обеспечено не только материальное прокормление, но при котором все производство, точно так же как и орудия и источники производства — принадлежат самим производителям и возделывателям. Они указывали, что только при таких условиях рабочий быт включает в себя не только труд, но и отдых, досуг и наслаждение всеми сторонами жизни — умственной и нравственной сторонами.

Этим пропагандистам нечего было бояться, что правительство набросится на их дело и станет разорять ассоциации (как и сделало это позже); тем хуже было бы для самого правительства: народ и тысячи учащейся молодежи все же убеждались бы, что начало ассоциации ведет к иной, безбедной жизни и в то же время видели бы, что правительство признает опасным для себя общее стремление к той безбедной жизни: стремление

чрез то несколько бы не уменьшилось бы, а только увеличилось бы недоверие к правительству, озлобление на него, избличение его в несостоятельности для какой бы то ни было помощи народной жизни.

Такова была задача московских пропагандистов 1864—1866 гг.; таково было их значение. По их трезвому пониманию революционно-социалистической деятельности, по их практическому отношению их можно смело назвать первыми русскими практическими революционерами-социалистами. Здесь не место говорить об обширном круге их действий, об их энергии и умелости, об их преданности и выдержанности. Случай, надевавший много шума, остановил их работу и погубил их преждевременно, окрестив их названием каракозовцев или ишутинцев⁴⁶. Последнее название, конечно, вернее, так как Ишутину принадлежало действительно значение одного из главных инициаторов. Отдельный случай выстрела, конечно, не мог входить в программу тех людей: они очень хорошо знали, что положение изменяется не от перемены одного лица, а от изменения всего порядка вещей. Они знали, что не только выстрелом, но даже вообще так называемой дворцовой революцией не достигается еще полная желанная перемена, и они знали притом, как сравнительно малочисленны были они для полного повсеместного действия в один и тот же момент. Но вместе с тем тот выстрел, бывший более или менее неожиданным случайностью относительно программы ишутинцев⁴⁷, является во всем своем историческом значении, если судить о нем, принимая во внимание тогдашнее поведение правительства и состояние общества. Мы сказали уже, что раз завязанная борьба не могла пресечься; правительство в своем гонении с каждым днем шло все далее, давая все более разгула своей наглости и лютоści; точно так же должно было идти вперед по своему пути и движение передовой партии. Мы сказали и то, что общество в то же время не представляло никакой возможности удовлетворения или примирения: оно являлось безусловным враждебным лагерем относительно всего молодого и живого. Оно не переставало потворствовать правительству во всех его кознях, и тем более рукоплескало, чем ожесточеннее расправлялось правительство. Естественно, что такое отношение могло вызвать подобное же настроение в той или другой личности из радикального лагеря: естественно, что тому или другому могло в свою очередь явиться аналогическое же ожесточение к врагам своим и что сами же меры правительства могли натолкнуть человека и утвердить его в мысли о кровавом ответе на кровавую расправу. Полезность или вредность подобного поступка имеет столько же смысла или неосновательности, сколько и полезность или вредность такой же правительственной системы. Очевидно, что правительство столь же тщетно казнит юношей с целью истребления нового, несовместного с его существованием направления, сколь тщетна была бы смерть одного человека, поставленного во главе правительственной иерархической машины, для уничтожения современного порядка. Этим рассуждением мы и ограничимся. Раз что для нас не существует понятие о какой-то царской исключительности из рода человеческого и все подобные византийские легенды, мы можем относиться к бывшему случаю только так, как отнеслись бы ко всякому подобному случаю с другим лицом. Несмотря на громадную ответственность, которую фигура русского царя принимает на себя, мы считаем, что ответственность эта должна быть подвергнута свободному суду в известный день вместе со всеми другими причастными лицами, а именно в тот момент, когда признание виновности подобных лиц поведет в народе к такому сознанию, которое сделает невозможным возврат подобных легендарных фигур.

От такого взгляда на выстрел героическая самоотверженность и высшая преданность Каракозова делу русской свободы несколько не уменьшается, и, припоминая все его поведение с минуты ареста и до виселицы,

каждый революционер отнесется к нему как к выдержанной, законченной и на все готовой личности.

История после Караковского и до настоящего времени представляет собою только одну мрачную полосу то разъяренной, то дремлющей реакции. Еще раз, по-видимому, побиты революционеры, еще раз правительство и общество целые два года оставались вне всякой тревоги; им никто не мешал, ни Польша, ни «сепаратизм», ни «горсть диких фанатиков». Что же они сделали в это время? чем облегчили они участь народа?

Вся жизнь в России за эти два года выражается в немногих словах, смысл которых слишком горько испытывает на себе народ: Россия доведена правительственным порядком до голода, до денежного, умственного и нравственного банкротства!

VII

В предварительном коротком напоминании заключается только внешняя сторона революционного движения; сторона, которая могла быть столь же известна каждому, сколько и нам. Мы предупредили, что умолчим пока о многом и кое о чем будем говорить в другие разы. Какой же смысл лежит в указанной стороне движения? Что можно вывести из всего изложенного здесь? Конечно, множество господ скажет, что все сие не более как отдельный ряд детских попыток, справедливо каравшихся правительством. И не заметят эти господа логического противоречия в своем определении: если то были детские попытки, то с ними не сообразуется строгость правительственной кары, и правительство, даже с точки зрения тех господ, как сила, призванная опекать, а не разрушать общественный строй, — оказывалось бы преступным и зверским. Естественно, что само правительство было сметливее своих ярых приверженцев, видя в попытках борющихся с ним целый последовательный ряд одного и того же направления, стремившегося подорвать его, изобличить и, наконец, произвести взрыв для полного уничтожения его. Наши же единомышленники прибивают к этому несколько более положительных заключений и выводов. Ожесточенные казни правительства, трусливый рев общества ясно показали, что и те и другие сочли для себя опасным совершившееся движение, сознали в нем угрозу своему существованию, хотя в то же время сами же кричали и старались уверить друг друга, будто врагов современного порядка немного, ничтожная часть безумных людей.

Конечно, в общей сложности и при строгом разборе, сравнительно с массою, остававшеюся в стороне от деятельного союза, революционеров было немного. И эти немногие могли пошатнуть правительство и заставили его прибегнуть для поражения их к таким средствам, которые обличали его полную несостоятельность и немошь бороться против них самим им же установленными законами; для поражения их оно должно было стать поджигателем и подделывателем фальшивых документов! Этого размышления слишком достаточно, чтобы убедиться не только в возможности, но и в относительной легкости разрушительного действия против правительства. Еще более очевидным представляется наше утверждение при воспоминании о двух следующих обстоятельствах: с одной стороны, революционеры делали и не могли не делать много ошибок, для них все было ново в стремлении образовать тайную организацию, основанную на предварительном тайном сплочении в один помысел и в одно обобщенное стремление всех разбросанных революционных элементов. С другой стороны, самые обстоятельства и события того периода, ставя перед ними непредвиденные, слишком важные препятствия, заставляли совершать даже сознательные ошибки и неизбежные отклонения, и все же, как ни мало их было при самом начале, число сообщников одного и того же дела увеличивалось чрез-

вычайно быстро, принимая в расчет краткость времени, и не в одном месте, а всюду и во всех слоях. С точки зрения верхоглядов и оптимистов противного и дилетантов нейтрального лагеря — все это решительно ничего не доказывает; если и была возможность организовать силу, она все же побита, лопнула и ничего от нее не осталось — то значит было море, взбаламученное море, сухие листья и бумажные змеи! ⁴⁸

Разуверять подобных публицистов мы, конечно, не станем и будем говорить теперь только с людьми той полосы молодого поколения, которая должна была стать теперь на черед вместо нас и рядом с нами. Если бы у них осталось туманное сомнение или неполное выяснение прошлого дела — то это было бы для нас действительно важно и действительно грустно, потому что их роль, их деятельность в деле нынешнем должна быть соответственной нашей в деле прошлом; вот почему для прочного союза, для единодушного хода вперед напоминаем мы здесь о положительной, о внутренней стороне революционного дела, свободной пропаганды. Люди могут не признавать ни важности, ни даже серьезности тайного общества подпольной пропаганды, — но одного явления той эпохи никто не посмеет отрицать и объявлять небывалым: явления, родившегося, выросшего и сказывавшегося в то время. Оно вызвало против себя целую бурю московских и иных громовержцев ⁴⁹; оно было намеренно искажено и обезображено; для циничного оклеветания его были подкуплены газеты и журналы; полицейские романисты и писатели изящного света создали целую лубочную литературу для осмеяния того явления ⁵⁰.

Риторы враждебного лагеря окрестили то явление прозвищем *нигилизма*; нам ничего не стоило бы принять такое название, как условный термин для обозначения известной партии. Не раз в истории известная партия, люди известного направления и даже целые массы, сплоченные революционной борьбой, спокойно принимали и удерживали за собой навсегда прозвища, данные им врагами в виде насмешки и презрения. Так остались в истории французские якобинцы и санкюлоты, голландские нищие и многие другие ⁵¹. Самое название *нигилизм* не заключало бы в себе ничего отталкивающего для нас, принятое в смысле нигилирования, отрицания возможности всего существующего порядка. Но беда в том, что, с одной стороны, риторы не сумели ни на иоту очертить типы и характеристические свойства молодой, передовой партии, так что в их очерках высказывалось только полное невежество и непонимание; с другой стороны, в самой же юной среде люди, не сумевшие проникнуться истинным смыслом передовой партии, изуродовав своими дешевыми выходками и внешним ухарством понятие о деятельности, стремлениях и отношениях передовой партии, вместе с тем сами вздумали величать себя *нигилистами*, *Базаровыми*... Таким образом, молодая, передовая партия должна была отстранить от себя придуманное для нее прозвище, чтобы не стать солидарною с теми неблагоприятными поступками и разглагольствованиями, которые, прикрываясь формой радикализма, лишены всякого серьезного, продуманного и прочувствованного содержания. А именно в таком содержании, а не в пустом прозвище, и заключается весь смысл, вся сущность молодой революционной партии. Она никогда не думала ограничиваться только внешнею борьбою и громкими проявлениями той борьбы с правительством и обществом; напротив, самое то проявление, самая та борьба были только неизбежным, естественным следствием стремлений партии к более широкой цели, к перенесению, к осуществлению в жизнь ее нового мирозерцания, совершенно иного, чем в современном порядке. Молодая партия вырабатывала, воспитывала в себе целостный круг воззрений, кладя в основу их строгую, беспощадную критику, возводя в жизненный, а не в философский принцип свое требование иных личных, социальных и политических отношений в обществе. В силу убеждения в непрерывной

верности своих начал, она проникалась тою страстною преданностью им, которая будит людей и ведет их по пути к осуществлению их цели, несмотря ни на какие преграды и не допуская никакой сделки.

Исходя от потребности свободы всеобъемлющей и реальной, а не исключительной и призрачной, молодая радикальная партия ставила в основу свободного разумного быта производительный труд каждого члена общества; — труд для возможности существования и права наслаждения жизнью; и самая свобода представлялась ей возможною только при равенственной, взаимной гарантии каждому лицу приобретения жизненных средств производительным трудом. Вместо такого отношения радикальная партия встречала в современном порядке обеспечение жизни только в праздных классах, наследственное или благоприобретенное путем обкрадывания и вымогательства. Вместо выработанного наукою и жизнью великого начала производительной ассоциации равноправных членов, как самого необходимого условия для плодотворного труда и общедоступного наслаждения, радикальная партия встречала в жизни только круговую поруку угнетения и обирания народной массы государственною фикцией и привилегированным барством. Таким образом, и наука и жизненный опыт говорили, что всеобщий, всем доступный и обеспеченный труд возможен только при совершенном изменении всех условий богатства и производства, и отсюда вытекала неизбежная потребность коренного изменения всех условий народной жизни в смысле социалистической организации.

На этой насущной потребности строилось все новое здание разумного быта в своем целом применении к народной жизни. И при этом самая среда людей, в которых росло сознание о новой жизни, самые качества среды, на которые мы указывали выше, ручались за то, что ее стремления вызывались не абстрактным философствованием, которым ограничивались предшествовавшие поколения в своих заоблачных изящных мечтаниях о человеческой личности, о ее достоинстве и свободе, — здесь двигала людьми слишком черствая, вечно напоминающая о себе действительность. Передовой общественный слой дилетантов-философов и романтиков, выделив из себя только нескольких серьезных пропагандистов, сменился передовым слоем социалистов-революционеров, большинство которых понимало и чувствовало прежде всего на самих себе все материальное и умственное нищенство людей, лишенных родовых поместий или чиновных мест. По своим затраченным силам знали они, как тяжело достается возможность выбраться даже на их обидно-неудовлетворительный путь и как совершенно лишен даже этой возможности весь миллионный мир простолюдинов. А между тем для неизвращенных, здраво-развитых людей не мыслимо и не понятно свободное, светлое существование, если оно является, как исключительная привилегия немногих, на счет всех других, а не как принадлежность всей великой ассоциации, т. е. всеобщности народа. Стремление к новой жизни, обобщенное и расширенное в своих требованиях до неперемennого условия внесения ее в самый быт народа, давало сразу радикальной партии силу содержания, состоятельности, открывало для ее пропаганды широкий путь.

И еще драгоценные силы шли сами навстречу образовавшейся радикальной партии. В этих силах смело проявлялся схороненный смысл и забитая энергия целой отчужденной половины общества. Русские молодые женщины своим глубоким сочувствием и прямым участием в действиях радикальной партии сразу заняли то место, которое принадлежит каждой из них по тому же самому праву труда, развития и дела, по какому достается оно личностям мужского пола⁵². Нравственная сила, нравственное развитие, полученное революционной партией от вклада в ее дело понимания и воли женщин, были настолько важны — что, конечно, ими вполне окупаются жертвы правительства, выхваченные из среды наших

женщин. Ими окупаются и те жертвы, которые забиты, замучены на полдороге к нам своим благородным обществом, своими любящими семьями. Нигде столь ярко, как на так называемом женском вопросе, не выразилась несовместность, невозможность примирения и какой бы то ни было сделки между старым отживающим порядком и новым направлением⁵³.

Правительство и общество ухватились с злорадством за женский вопрос, думая осилить радикальную партию своей циничной клеветой и уничтожить взаимное стремление двух элементов юности к союзу на общее дело. Остервенение врагов пало на их же голову — ввиду их преследований, при заточении правительством женщин, при изгнании родителями дочерей за малейшее проявление самостоятельности — ряды женщин между тем густели; девушки действительно оставляли родительский дом, женщины действительно отталкивали своих плантаторов и предпочитали новую работающую жизнь при личном или ассоциационном труде гнету семейного очага и разврату супружеского рабовладения. «Они отвергают семью, — вопили с угрозой негодующие публицисты и отцы семейств, — они уничтожают брак, они ведут наших дочерей в публичные дома, устроенные под фирмою каких-то мастерских! Невежи отвергают науку и смеют толковать об общем праве на какое-то образование!»⁵⁴ Действительно, радикальная партия отвергала и <до> сих пор отвергает семью современного общества и не признает, чтобы в современном порядке могло осуществляться какое бы то ни было здоровое и честное понятие о группе лиц близких и дорогих друг другу вследствие взаимного влечения, понимания, уважения и представления каждому независимого развития. «Суровые фанатики революции» вовсе не отвергают чувства любви и дружбы, горячей привязанности и бескорыстной преданности, но они отвергают в настоящем порядке и его обществе присутствие условий для существования всех таких проявлений чувств. И практический опыт только подтвердил тяжелыми примерами их убеждение в несовместности истинных принципов человечности с нынешним общественным разложением. Вместо пресловутой любви и привязанности отцов к детям, вместо горячего участия к их вольно избранной деятельности молодое поколение встретило в старом только самолюбивый эгоизм и презренное покушение сломить волю «мальчишки или девчонки» из-за каприза или еще чаще из-за расчета: сын-де не сделает блестящей лакейской карьеры, да еще отцу повредит в мнении влиятельных лиц; дочь-де как есть уйдет от выгодной партии и ославит благородный дом своим послушанием. Дряхлые мозги не могли понять, что выгодные партии, браки по родительскому заказу, обольщение жениха кукольною дрессировкою девушки и, в свою очередь, продажность жениха девушке вследствие публично оповещенного приданого — все это бы вело многие брачные союзы действительно к образованию публичных домов, в которых освящалась привилегия иметь сколько угодно тайных любовников и наложниц. Если же грязное воображение старцев вносило свои клубничные подозрения и бредни даже в рабочие мастерские, где юношество обоего пола надрывалось для честного существования над новым, часто непривычным мускульным трудом, — то радикальная партия была вполне права, отвечая на ярые обвинения долгим равнодушным молчанием.

Да, молодое поколение не признало таинства брака, потому что вообще никаких таинств не признает; не признало святости уз, освященных церковью и богом, потому что вообще не признает ни полицейской церкви, ни мифического бога, как и всякого иного идола, т. е. болванопоклонства. Не признала и болванопоклонства пред скудоумною молвою и закоснелыми предрассудками: основывая союз не на денежном расчете, а на любви, руководствуясь при заключении союза не мецанскими выгодами и приличием, не игривою фантазией о неизвестной красавице, а знанием друг дру-

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ
КАРТИНЫ И. Е. РЕПИНА

«НЕ ЖДАЛИ»

Масло, 1883

Третьяковская галерея, Москва

га, взаимной оценкой и дружбой,— молодое поколение открыто заявляло, что союз преступен там, где нет более чувств, обуславливающих его; там, где они утратились, вследствие неравномерного хода в развитии двух соединившихся личностей, вследствие розни в принятых ими путях, вследствие прогрессивного выяснения себе новых требований от самого близкого друга или подруги.

И вместо обмана и заедания двух жизней разладом и неудовлетворенностью молодая партия провозглашала свободное расхождение и не бросала камня в людей, не захотевших обманывать друг друга или губить жизнь бесплодной, раздражающей борьбой. Такое отношение к лицу нисколько не мешало, а напротив, вследствие сознания обоюдной независимости скорее поддерживало прочность союза между новыми людьми.

Что общего между новыми женщинами с их смелой истинностью в отношениях и свободной искренностью в чувствах и между фривольными, развращенными барынями высшего света, этого мы никак не можем понять, несмотря на забавное сравнение их, изысканное разными публицистами. Когда-нибудь поговорим более обстоятельно о таком некрасивом легкомыслии при суждении о серьезных и не всегда доступных светскому пониманию предметах, а теперь остановимся на подведении итогов в борьбе двух поколений, двух миров, мы могли бы сказать — двух совершенно разнородных рас. Инвалиды старого быта, преследуя стремления новых людей, понося секту стриженных и безкринолинных девушек, только и могли заметить в секте отсутствие кос и кринолина (сообразно с направлением своей мысли) и не могли понять, что не в стрижке волос и не в отсутствии кринолинов заключался смысл «секты», ее содержание и сила, а в совершении ее приверженцами целой нравственной революции по пути к революции социально-политической.

Нравственная революция совершалась во имя отрицания старого лицемерия, семейного гнета и торга женщиною, во имя строгого, честного признания за женщиною не в идиллической теории, а в самой жизни совершенно одинакового права и вполне однородного участия во всех политических делах и социальных отношениях. Самый критический вопрос, пред-

ставляющийся столь неразрешимым в Европе, вопрос экономический, о конкуренции, о том, что руки женщины отнимут и без того недостаточный труд у мужчин и, во всяком случае, понизят заработную плату, — этот вопрос разрешался радикальной партией просто и трезво. Юноши делили с женщинами, вошедшими в их среду для труда, всю добываемую работу, начиная от ремесла типографского и переплетного и до занятий уроками, переводами и перепиской, если добытые средства от такой подлинной работы уменьшались, то, с одной стороны, потеря искупалась сравнительными выгодами ассоциации, с другой стороны, люди радикальной партии, стесненные и часто полусытые, никогда не думали вести борьбу за существование с женщиной, как будто ей легче было бы голодать, чем им, и как будто их удовлетворяла бы сытость, обусловленная голодом женщины; напротив, их обоюдное положение вело их на еще более сознательную и неотступную союзную борьбу за существование с современным порядком для уничтожения его, потому что без этого уничтожения являлась невозможной справедливая и равенственная организация труда.

Вместе с переворотом в нравственных отношениях радикальная партия стремилась к коренному изменению всех воззрений в умственном мире. Простое трезвое отношение к жизни говорило, что рядом с собственностью и государством новый быт несовместим и с третьим вековым злом: что человеческая воля не мирится и требует уничтожения давящего авторитета, развращающего мозг и нравственность; что взамен грубой и лживой религиозности, только лицемерно прикрывающей собою государственную и привилегированную эксплуатацию, быт новых людей обуславливается полным обеспечением развития пытливого ума до его естественных, ничем не стесняемых пределов. Уже из этого одного вытекало, как естественное последствие, рушение всей официальной науки, отвержение всей ученой синагоги, всего отжившего научного доктринерства. Не науку отвергало молодое поколение, а невежество, рядящееся в фразу схоластики, возводящее в догмат мертвечину и проповедующее умиление пред прогрессом и благами современного порядка.

Истинная же наука должна дать отвращение к нынешнему общественному устройству, а не внушать надежды на годность той или иной хронической заплаты, именуемой прогрессивными реформами. Истинная наука представляет собою обобщение социально-физиологических данных, которые подтверждают непреложную потребность нового свободного строя; основы новой науки лежат в оправдании веками истории и гениями человечества нашей пропаганды о необходимости общего переворота в его полном смысле.

Та же новая наука, руководствуясь только одной бесстрашной правдой, без всякой расчетливой сделки, выяснила уже некоторые из начал, на которых будет созидаться новая жизнь. Развитие новых начал, понимание всеобъемлющей человечности их, сравнение существенной противоположности их с нынешней заедающей жизнью — возбуждает в человеке страстную потребность работы для приближения новой жизни, вызывает в нем фанатическую преданность, всецелую сосредоточенность на той работе и возводит ту работу в единую жизненную цель, без которой самая личная жизнь перестает иметь смысл. В этом заслуга и слава новой науки, в этом порука за успех нашего революционного дела и за выдержку людей, сознательно отдавших ему!

Таким образом, являлось новое целостное мирозерцание, создавался целый новый мир, с новыми нравами, с новыми идеями. А там, где совершается переворот в нравственной и умственной сфере, там революция пускает глубоко свои корни, там нельзя вырвать этих корней. Революционная нравственность и помыслы идут в своем росте, несмотря ни на какие

невзгоды и неудачи; скрытые — если им не дают развиваться на свободе — они все же идут в ширь и глубь и, не уклоняясь ни на шаг от своего движения вперед, неминуемо приближают время рушения старого мира и начало нового.

VIII

Живые люди поймут из всего сказанного, был ли смысл, была ли сила в революционном движении 60-х годов; поймут, что такое движение не могло сгнбнуть бесплодно, что его следы еще свежи и оно сродно и дорого каждому, кому сродна мысль о свободе и дорого стремление к ней. Оно ищет себе продолжателей и обновителей, оно собирает вокруг себя новые расцветшие силы.

Пусть эти силы, пусть новые люди, в которых они кроются, примут из прошлого традицию преданности, энергии и честного отношения к революционному делу и сами изыщут, если понадобится, новые способы, новые приемы, имеющие ту же общую цель. Пусть же они собираются в стройное целое, группируются и выясняются сами себе, расширяют свои группы чрез связи одного лица с другим и раскидывают сеть своих связей по всем местностям и во всех слоях. Дело от небольшого кружка, от сплочения одного кружка с другим идет к сформированию строго составленной *организации*.

Новая организация прежде всего должна избежать невольной ошибки прежних: сознавая, что расчет, развязка нашего дела не произойдет ни сегодня и ни завтра еще, коренные составители организации будут вполне осмотрительны в подборе людей. Принимая участие каждого, готового принести хоть какую-нибудь помощь революционному делу, принимая в расчет каждого, осуждающего современный порядок, они допустят в свои смыкающиеся ряды единственно тех людей, которые совершенно согласны с ними в приемах, образе действий, в своем предположенном способе развязки, в поставленной конечной цели революционных стремлений. Людей с такими свойствами организаторы примут в свою среду, когда их предварительное участие в деле удостоверит, что для них нет ни раскаяния, ни возврата; когда убедятся, что общее революционное дело стало их личным делом, что новые адепты сами слились с ним и для них нет дела вне его. Только тогда и при выполнении таких условий личности смело могут быть впущены в внутреннюю, схороненную от праздного глаза организацию, потому что только тогда каждая из новых личностей явится активным деятелем, способным успешно вести дело вперед, в каком бы месте, в каком бы положении он ни оказался. Для таких личностей уже нечего будет толковать об основном принципе, отступление от которого не раз губило напрасно многих людей и наносило обидный ущерб делу; о принципе полнейшего уничтожения празднословия и словопрения, полнейшего недопущения между собою всякого лишнего слова, всякого праздного сообщения, касающегося(ся) тайного дела, даже самому близкому доверенному, если в том нет настоящей необходимости для дальнейшего хода дела вперед. Только тогда достигнет организация истинного значения и действительного могущества в своем развитии, когда самым составом ее и системой ее устройства будет пресечена возможность не только историй, подобных истории Андрущенко, Ветошникова, Кельсиева и многих других, где болтливость пред следственной комиссией и совершенно невынужденное выдавание лиц доходило до позорного цинизма, — но и вообще самая возможность выдачи даже двух лиц хотя бы под пыткой! ⁵⁵ Достижение такого требования — не утопия, а вполне возможно при развертывании и известном переплетении сношений, при сознательном отношении каждого члена организации к серьезности дела и ответственности пред ним.

Крепко сплоченное на таких основаниях ядро организаторов будет расти верным и прочным путем. Такие организаторы легко найдут доступ и все способы для революционной пропаганды во всех тех сферах, из которых могут быть извлечены люди, годные для формирования новых членов организации.

Организация и пропаганда — неразлучны между собой, и одна без другой бессильны. Пропаганда, т. е. печатное слово, выясняющее революционное сознание и его отношение к старому и новому миру, необходимость, неизбежность истинного переворота, какую бы ценою он ни был куплен, и затем живое слово, разносящее всюду те же самые убеждения, сзывающее на битву за осуществление в жизни этих убеждений, — такая пропаганда должна и будет неизменно сопутствовать организации, прочное и успешное дело которой основано, как мы сказали вначале, на союзе между людьми революционной интеллигенции и силами и волей народа.

Дело организации, элементы ее, люди и средства существуют в самой России и только люди, находящиеся в ней, могут и должны положить этот краеугольный камень социальной Революции. Делу же пропаганды может служить и в настоящее время и с большим удобством, чем в самой России, орган, издающийся за границей. Такую цель хочет иметь пред собою журнал «Народное дело»; и от русских людей зависит поддержать его вкладом своей мысли и своего совета и чрез то придать ему полное значение органа русской революционной партии.

«Народное дело» («La Cause du Peuple»),
№ 2-3, октябрь 1868 г. Женева, с. 25—51.

ПРИМЕЧАНИЯ

Составила И. А. Желвакова

¹ Речь идет о программе, изложенной в первом номере «Народного дела», в статье Бакунина «Необходимое объяснение» и «Наша программа» (в написании последней статьи, очевидно, участвовал Н. И. Жуковский).

² Это заявление показывает, что автор статьи в это время еще не освободился от воздействия идей Бакунина.

³ Н. И. Утин вспоминает о «Земле и воле», самой крупной революционной организации 1860-х годов, созданной во второй половине, точнее, осенью 1861 г. (см. вступительную статью к настоящей публикации). О структуре, программе и практической деятельности «Земли и воли» см.: М. В. Нечкина. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам). — «История СССР», 1957, № 1; Она же. Возникновение первой «Земли и воли». — Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. 1. М., 1960; Я. И. Липков. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964, и др.

⁴ «Трусливые враги» — либералы. «Малодушные друзья» — несомненный выпад в адрес издателей «Колокола». О характере расхождений «молодой эмиграции» и Герцена, о необоснованности ряда обвинений в его адрес см. выше, с. 363, а также ЛН, т. 62, с. 620—624.

⁵ Ряд ценных сведений по истории «Земли и воли» был дан в других статьях Утина, опубликованных в «Народном деле»: «Александр Александрович Серно-Соловьевич» (№ 7—10, 1869) и «Крестьянская реформа и общинное землевладение» (№ 2, 1870). Истории русского революционного движения 1860-х годов были посвящены статьи: «Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе» (№ 7—10, 1869), «Юбилейное торжество С.-Петербургского университета» и «Студентские дела и профессорско-полицейские беспорядки» (там же). Б. П. Козьмин считал несомненной принадлежность Утину первой из них и вполне вероятным участие Утина в написании двух остальных (см.: Б. П. Козьмин. Русская секция первого Интернационала, с. 114—115).

⁶ Двойственный характер политики царизма по университетскому вопросу выразился в ряде противоречивых правительственных постановлений. С одной стороны, в начале царствования Александра II было отменено введенное в 1849 г. ограничение числа студентов до 300 человек в каждом университете и «высочайше» разрешен неограниченный прием учащихся. С другой стороны, был принят ряд крутых мер для ограничения притока в университеты разночинной молодежи и уничтожения университет-

ских свобод, завоеванных во второй половине 1850-х годов. Этому способствовали новые правила Министерства народного просвещения от 31 мая 1861 г., дополненные 24 июля того же года. Эти так называемые «путятинские» правила (по имени министра народного просвещения Е. В. Путятина) всей своей тяжестью обрушились на демократическую часть студенчества: они запрещали публичные сходы и диспуты, кассы взаимопомощи и библиотеки и резко ограничивали число освобожденных от платы за обучение.

⁷ Текст циркуляра не обнаружен ни в «Сборнике циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1858—1861 гг.» (собрал и издал Д. Чудовский. СПб., 1873), ни в том же издании за 1862—1864 гг. (СПб., 1873), ни в официальном органе Министерства, газете «Северная почта» за 1862—1863 гг.

⁸ В феврале 1860 г. властями было раскрыто Харьковско-Киевское тайное студенческое общество, возникшее в Харьковском университете в 1856 г. В 1859 г. руководящее ядро организации обосновалось в Киеве, где развернуло энергичную революционную деятельность (см.: А. З. Барабой. Харьковско-Киевское тайное общество 1856—1860 гг. — «Исторические записки», т. 52, 1955, с. 235—265). После ареста в феврале 1860 г. учредители и главные деятели общества — Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, П. С. Ефименко, П. В. Завадский, В. В. Ивков и др. — были заключены в Петропавловскую крепость. В апреле — мае того же года участники дела о «харьковских заговорщиках» были высланы в различные города России.

⁹ Относительно содержания и времени распространения потаенного памфлета Н. И. Утин ошибается. Первый рескрипт, явившийся официальным правительственным актом по подготовке крестьянской реформы, был дан Александром II генерал-губернатору Западного края В. Назимову 20 ноября 1857 г. Харьковский памфлет был расклеен на улицах города 15 апреля 1856 г. и пародировал высочайший манифест по поводу Парижского мира 18 марта 1856 г.

¹⁰ В 1862 г., в связи с наступлением реакции в России, использовавшей, в частности, петербургские пожары для усиления натиска на демократическое движение, бывшие участники Харьковско-Киевского общества, не прекратившие в ссылке активной революционной деятельности, были вторично арестованы, заключены в Петропавловскую крепость и вновь осуждены. О судьбе бывших членов Харьковско-Киевского общества см.: указ. ст. А. З. Барабоя, с. 254—257, и автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Р. А. Таубина («Общественное движение в России в 50-е годы XIX в.». М., 1965, с. 35—39).

¹¹ 16 апреля 1861 г. членами Казанского революционного «Кружка», студентами университета и духовной академии была организована панихида в память участников Бездненского восстания. На панихиде присутствовало около 400 человек, с речью выступил профессор Казанского университета А. П. Шапов.

¹² «Путятинские» правила (см. выше примеч. 6) увеличивали в университетах плату за обучение до 50 рублей в год и разрешили освобождать от нее только по двое студентов от каждой губернии, входившей в учебный округ. По сведениям С. Я. Гессена («Студенческое движение в начале шестидесятых годов». М., 1932, с. 55), в Петербургском университете, например, в 1859 г. из общего числа 1019 студентов было освобождено от платы 659, или около 65%. Новые правила предоставляли эту возможность только 12 лицам, т. е. немногим больше, чем 1% студенчества.

¹³ Студенчество ответило на политику самодержавия массовыми демонстрациями протеста. Осенью 1861 г. студенческие волнения охватили все университеты России, кроме Дерптского.

¹⁴ Текст этого правительственного «запрещения» найти не удалось, время его публикации неизвестно. Но, вероятно, оно действовало уже с осени 1861 г., с момента начала студенческих волнений, так как в крупнейшей столичной газете «С.-Петербургские ведомости» всякие объявления о поисках студентами уроков отсутствуют вплоть до декабря 1861 г., когда они вновь появляются на ее страницах.

¹⁵ Возраст, социальный состав и имущественное положение участников некоторых тайных обществ конца 1850 — начала 1860-х годов выявлен в ряде исследований. О социальном составе Харьковского тайного общества см.: Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858 годов, с. 74—82. Свод данных о возрасте, сословной принадлежности и имущественном положении членов кружка Сераковского-Домбровского, а также других петербургских революционных организаций в среде офицеров приведен в статье: В. А. Дьяков. Петербургские офицерские организации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей («Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII. М., 1964, с. 278—279, 358—359).

¹⁶ С начала 1861 г. рядом распоряжений предписывалось усилить цензуру над сочинениями и статьями по крестьянскому вопросу (см.: «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год». СПб., 1862, с. 457—458). Цензурой не должны были допускаться к печати сочинения, «в которых высказываются ярые описания революций» (там же, с. 459). Циркулярами по цензурному ведомству от 29 апреля и 31 мая 1861 г. повелевалось не допускать к печатанию в газетах статей, имеющих целью действовать на умы в смысле восстановления независимости Польши или «кло-

нящихся к поддержанию народности польской». Наступление правительства на печать и литературу в 1861 г. закончилось «высочайшим» утверждением 12 мая 1862 г. «временных правил по цензуре», еще более усиливших правительственный нажим и контроль за печатью (см. там же, с. 469—482).

¹⁷ Речь идет о листках «Великорусса», периодическом подпольном издании (первый листок вышел 30 июня, второй — 7 сентября, третий — 20 октября 1861 г.), выпущенном революционной организацией, называвшей себя Комитетом «Великорусса» (см.: Н. Н. Н о в и к о в а. Комитет «Великорусса» и борьба за создание революционной организации. — «Вопросы истории», 1957, № 5). О реакции правительственного лагеря на появление прокламации см.: Н. Н. Н о в и к о в а. Революционеры 1861 года. М., 1968, с. 381.

¹⁸ Критика Утина, направленная в адрес Герцена, содержит также намек на полемику вокруг «обличительной литературы», развернувшуюся на страницах «Колокола» и «Современника» (см.: Т. И. У с а к и н а. Статья Герцена «Very dangerous!» и полемика вокруг «обличительной литературы» в журналистике 1857—1859 гг. — В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. 1. М., 1960).

¹⁹ Прокламация «Молодая Россия» была напечатана и распространена в мае 1862 г. кружком московских студентов во главе с П. Г. Зайцевским и П. Э. Аргиропуло. Воззвание провозглашало революцию единственным выходом для России из ее «гнетущего, страшного положения». Текст прокламации см. в книге: «Политические процессы 60-х гг.». Под ред. Б. П. Козьмина, т. 1. М.—Пг., 1923, с. 259—269; см. также статью: Ю. В. К у л и к о в. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия». — В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. II. М., 1962.

²⁰ «Иеремии либеральной прессы» — Герцен и Огарев. О необоснованности ряда выпадов Утина против издателей «Колокола» см. во вступительной статье (с. 363). Свой выпад против Герцена Утин заканчивает, перефразируя его слова «народе великане» (см. Герцен, т. XVI, с. 205).

²¹ В июне 1862 г. с столичной полиции было прикомандировано 950 нижних чинов гвардии, а расход на полицию увеличен на 200 000 рублей в год (см.: «Северная почта», 1862, № 122, 7 июня).

²² Пожары в Симбирске в августе — октябре 1864 г. истребили почти полторы тысячи домов, убытки исчислялись в пять с половиной миллионов рублей. Следственная комиссия, работавшая в течение года под председательством сенатора С. Р. Жданова, не установила виновных и должна была отказаться за неимением улик от обвинений, первоначально выдвинутых против сырьевых поляков. Однако по ее приговору были расстреляны (очевидно невиновные) два солдата расквартированного в городе полка (см. комментарии С. А. Рейсера к «Воспоминаниям» Л. Ф. Пантелеева. М., 1958, с. 767—768). Версия о симбирских «зажигателях», аналогичная изложенной Утиным, рассказана в «Дневнике» А. В. Никитенко (т. 2. М., 1955, с. 540—541). За разбором «дела» внимательно следил Герцен. Ряд заметок в «Колоколе» («Война, чума и пожар», «Убийство в Симбирске», «Симбирские поджигатели» и др. — лл. 188, 190, 211 от 15 августа, 15 октября 1864 г. и 1 января 1866 г. — т. XVIII, с. 255, 502; т. XIX, с. 14) содержал фактические сведения о событиях. С. Р. Жданов, закончив следствие, выехал в Петербург, но по дороге скоропостижно умер. Распространились слухи, что он был отравлен чинами симбирской администрации, боявшейся разоблачений.

²³ Наиболее крупной и деятельной была революционная организация 1 армии (1861—1863), возглавлявшаяся «Комитетом русских офицеров в Польше». В военной среде Петербурга в середине XIX в. действовало много кружков: офицеров Генерального штаба (или кружок Сераковского-Домбровского, 1857—1863 гг.), военных инженеров (кружок в Инженерной академии и училище), кружок в Артиллерийской академии (во главе с П. Л. Лавровым), кружок в Царскосельской офицерской стрелковой школе и т. д. См. ст. В. А. Дьякова, указанную в примеч. 15, с. 305—359; см. также: Г. В. Б о г д а н о в, В. А. Д ъ я к о в. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг. — В сб. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, с. 489—637; В. А. Д ъ я к о в. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов (Библиографический словарь). М., 1967.

²⁴ Воскресные школы, возникшие в конце 1850-х годов по инициативе революционно настроенной интеллигенции, стали одной из наиболее действенных форм легальной пропаганды среди народа (см.: Г. И о н о в а. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации. — «Исторические записки», т. 57, 1956, с. 177—209). Правительство, обеспокоенное «вредным направлением» в некоторых петербургских воскресных школах, постановило «впредь до преобразования» воскресные школы закрыть («Северная почта», 1862, № 127, 13 июня).

²⁵ Конкретные требования «Великорусса» в отношении Польши сводились к ее «безусловному освобождению» и признанию права самостоятельно решать свою судьбу (см.: «Колокол», л. 109, 15 октября 1861, с. 913—914).

²⁶ 27 мая 1862 г. наместником Царства Польского был назначен в. кн. Константин Николаевич (1827—1892), имевший репутацию либерала. Это было воспринято обще-

ством как предназначение будущей автономии. Однако в специальной инструкции царь напоминал Константину Николаевичу, что «Царство Польское должно навсегда остаться достоянием России», что «речи быть не может» о новых льготах и уступках, «а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии» (см.: М. В. М и с к о. Польское восстание 1863 г. М., 1962, с. 99).

²⁷ 15 февраля 1861 г. царскими войсками в Варшаве была расстреляна мирная манифестация, требовавшая освобождения поляков, арестованных 13 февраля 1861 г. во время демонстрации в память польского восстания 1830—1831 гг. Актом солидарности с польским народом была панихида по пяти убитым в Варшаве, состоявшаяся 1 марта 1861 г. в католической церкви в Петербурге (см. заметку Герцена «Панихида в Петербурге» — *Герцен*, т. XV, с. 54).

²⁸ Похороны Т. Г. Шевченко состоялись в Петербурге 28 февраля 1861 г. Они превратились в грандиозную общественную манифестацию (см. сб.: «Смерть и похороны Т. Г. Шевченко» (документы и материалы). Киев, 1961).

²⁹ Об офицерской организации 1 армии (1861—1863 гг.), возглавленной «Комитетом русских офицеров в Польше», см.: В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964, с. 5—201; Я. З. Черняк. К истории революционного «Комитета русских офицеров» в Польше. — *ЛН*, т. 61, с. 534—540; М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1855—1863 гг.). — Там же, с. 459—522.

³⁰ «Комитет русских офицеров» в Польше получил название «потембинского» по имени своего руководителя подпоручика А. А. Потемби (1838—1863), видного деятеля «Земли и воли».

³¹ Царское правительство, стремясь предотвратить назревавшее в Польше восстание, предприняло там внеочередной рекрутский набор. В составленные заранее списки были включены все подозреваемые в революционной деятельности.

³² Возникновение наименований «красные» и «белые» как обозначения основных политических направлений в польском национальном движении относится к весне 1861 г., но особенно четко определились эти два направления в 1863 г. «Красные» были сторонниками активной борьбы и восстания; «белыми» называли деятелей, уповавших на реформы «сверху».

³³ Деятельность офицерской революционной организации, возглавляемой «Комитетом русских офицеров» в Польше, фактически замерла в середине 1863 г., после спада повстанческого движения.

³⁴ А. А. Потемби был убит 4 марта 1863 г. возле местечка Скала во время одного из сражений. В борьбе с царскими войсками погибли также многие видные деятели польского повстанческого движения.

³⁵ В 1863 г. в связи с польским восстанием Англия, Франция и Австрия развернули против России дипломатическую интервенцию. Ультиматумы этих государств России (5/17 апреля и 15/27 июня 1863 г.), требовавшие перемирия с повстанцами, созыва европейского конгресса для решения польских дел и т. п., не имели практических последствий. Бездействие западных держав доказывало, что их побуждающим мотивом было не желание помочь Польше, а стремление изолировать Россию на международной арене (см.: В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957).

³⁶ Требование восстановления Польши в границах 1772 г. (т. е. до первого раздела страны) выражало стремление вернуть господство над Украиной, Белоруссией и Литвой. 31 июля 1863 г. повстанческое («июньское») правительство «белых», тесно связанное с зарубежным центром — аристократической группировкой кн. Чарторыского, — обратилось с воззванием к польскому народу, подтверждая ранее объявленные цели восстания — «восстановление независимости Польши в границах 1772 г.» (см.: М. В. М и с к о. Указ. кн., с. 106, 244—248; В. Г. Ревуненков. Указ. кн., с. 112).

³⁷ Политика царизма, направленная на удушение Польского восстания, получила полную поддержку не только русских реакционеров, но и либералов. Глашатаем «патриотического остервенения» (Герцен) стал Катков. Его «Московские ведомости», славянофильская газета И. С. Аксакова «День», «Отечественные записки» Краевского требовали установления военной диктатуры в Польше и полного ее слияния с Российской империей. Свою преданность престолу часть дворянства, реакционная профессура Московского университета, раскольники и др. выразили верноподданническими письмами, адресами на имя Александра II, а также многочисленными молебнами и депутациями, сопровождавшими празднование дня рождения царя (17 апреля 1863 г.).

³⁸ Утин пользуется здесь фразеологией статей Каткова из «Русского вестника» и «Московских ведомостей», введенной в обиход в условиях подъема революционно-демократического движения начала 1860-х годов и получившей широкое распространение во время Польского восстания. Катков, а вслед за ним другие публицисты реакционно-охранительного лагеря, связывая действия польских повстанцев с русским революционным лагерем, способствовали дальнейшему усилению правительственного террора против революционеров.

³⁹ В отличие от польского повстанческого правительства, которое не сумело преодолеть шляхетской ограниченности и справедливо решить вопрос о судьбах литовского, белорусского и украинского народов, русская революционная демократия выдвигала требования независимости для каждого из них. Идею федерации поддерживал и Герцен.

⁴⁰ Преследование украинского языка царской администрацией усилилось во второй половине XIX в. в связи с развитием украинской культуры. Специальные указы запрещали издание на украинском языке книг, «назначенных для первоначального чтения народа», сценические постановки на украинском языке, печатание украинских текстов к музыкальным произведениям («История СССР», т. V. М., 1968, с. 384). Особенно жестокими мерами проводилась русификация «Юго-Западного края» после 1863 г., так, например, русский язык вводился как обязательный «в школах, в присутственных местах, кофейнях, кондитерских и т. д.» («Московские ведомости», 1864, № 126, 7 июня, передовая статья). На страницах своей газеты Катков упорно доказывал, что Украина «никогда не имела отдельной истории, <...> малороссийского языка никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до этого времени не существует» (см.: «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1969, с. 470).

⁴¹ В первой половине марта 1864 г. Центральный комитет «Земли и воли» разослал сообщение «о временном свертывании общественного знамени и полном приостановлении всякой работы» (см.: Я. И. Л и н к о в, указ. кн., с. 429—433). Фактически это было решение о самоликвидации «Земли и воли». Но и после этого в Петербурге сохранилась центральная группа из деятелей бывшей «Земли и воли», которая в течение некоторого времени представляла русское революционное движение.

⁴² Систематическое преследование революционной демократии началось в России еще в 1862 г. О борьбе царизма с революционно-освободительным движением 1860-х годов см.: Мих. Л е м к е. Политические процессы в России 1860-х гг. Изд. 2. М.—Пг., 1923; «Политические процессы 60-х гг.». Под ред. Б. П. Козьмина. М.—Пг., 1923.

⁴³ Утин и здесь использует фразеологию, характерную для статей Каткова периода Польского восстания и времени после его подавления. В это время Катков усматривал главную опасность уже не в «кознях иноземных революционеров» или в «элементах, пришедших со стороны», а в действиях внутренних «злумышленников». Скорее всего, Утин констатирует несколько характерных высказываний Каткова (см.: М. Н. К а т к о в. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. II. М., 1887, с. 1187—1188; О н ж е. 1864 год. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». Выпуск третий. М., 1887, с. 180, 678).

⁴⁴ С весны 1863 г., когда генерал-губернатором Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями был назначен М. Н. Муравьев, усилились бесчинства царских усмирителей в Польше. К апрелю 1864 г. даже по сильно преуменьшенным официальным данным в Польше и Литве было повешено около 2 тысяч человек (см. комментарии к статье А. И. Герцена «Мясоеды самодержавия». — Герцен, т. XVIII, с. 532), в одной Польше было казнено 396 повстанцев (см.: М. В. М и с к о. Указ. кн., с. 317).

⁴⁵ Речь идет о революционном кружке ишутинцев, который возник осенью 1863 г. в Москве как небольшая землевольческая ячейка и вскоре стал центром объединения московских и некоторых периферийных организаций. Учредителями кружка были Н. А. Ишутин, Н. П. Петерсон, П. Д. Ермолов, Н. П. Странден, активную роль в нем играли Д. В. Каракозов, Д. Юрасов и др. Кружок ставил своей конечной целью — преобразование страны путем социальной революции. Программа ишутинцев предусматривала практическую деятельность по созданию ассоциаций, школ и артелей как неперемное звено тактики текущего, подготовительного момента (см. кн.: Э. С. В и л е н с к а я. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965, с. 183—301; Р. В. Ф и л и п о в. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова (1863—1866). Петрозаводск, 1964; см. также ст. Ш. М. Левина (наст. том, с. 364).

⁴⁶ 4 апреля 1866 г., после неудавшегося покушения на Александра II, совершенного Д. В. Каракозовым, кружок был разгромлен. Каракозов был повешен, а его товарищи осуждены на каторгу и ссылку.

⁴⁷ Выстрел Каракозова не шел вразрез с разработанной ишутинцами программой действий, направленных на уничтожение самодержавия. Проект царубийства рассматривался в этой программе как акт, возбуждающий массы к революционной инициативе (см. Э. С. В и л е н с к а я, указ. кн., с. 471). Речь могла идти лишь о несвоевременности покушения. Относительно осведомленности руководства кружка о предполагавшемся царубийстве и об отношении к этому замыслу Ишутина в литературе нет единой точки зрения (см. там же, с. 414—434; указ. кн. Р. В. Филиппова).

⁴⁸ Утин намекает на антинигилистические романы В. П. Ключникова «Марево» (1864) и А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863).

⁴⁹ Имеются в виду выступления М. Н. Каткова на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей», Н. Ф. Павлова в «Нашем времени» и других представителей реакционно-охранительной печати, начавших в 1862 г. ожесточенную травлю «нигилистов».

⁵⁰ Речь идет об антинигилистических сочинениях 1860-х годов, прежде всего романах (указанные романы А. Ф. Писемского и В. П. Ключникова, «Некуда» Н. С. Лескова, диалогия В. П. Авенариуса «Бродящие силы»).

⁵¹ Гёзы (от франц. gueuses — нищие) — прозвище нидерландских народных повстанцев, которые в XVI в. вели борьбу с испанским игом.

⁵² Известны имена женщин — участниц революционно-освободительного движения 1860-х годов. Например, по «процессу 32-х» привлекалась М. А. Челищева, по «делу Андрущенко» проходили члены «Земли и воли» — В. А. Зайцева и А. Третьякова. Под постоянным надзором полиции находилась Н. П. Сулова, первая женщина-врач, видная участница радикальных кружков. К деятельности книжного магазина А. А. Черкесова была причастна А. Н. Энгельгардт.

⁵³ В преддверии первой революционной ситуации 1859—1861 гг. одним из злободневных российских вопросов стал вопрос о женском равноправии, о преобразовании семейных и общественных отношений женщин. Полемика по женскому вопросу началась статьями прогрессивных публицистов М. В. (Вернадской) «Женский труд» («Экономический указатель», 1858, № 60) и П. Славинского «Общественная самостоятельность женщин» («С.-Петербургские ведомости», 1858, № 55). Революционно-демократическая критика в лице М. Л. Михайлова, провозглашенного «творцом женского вопроса» в России, впервые решала этот вопрос в связи с революционно-освободительной борьбой («Парижские письма», «Женщины в университете» и др. — «Современник», 1859, № 1, 1861, № 4).

⁵⁴ Заключенные в кавычках слова — не цитата, они передают общий смысл статей реакционных и консервативных публицистов по женскому вопросу.

⁵⁵ И. А. Андрущенко, активный член «Земли и воли», был арестован летом 1863 г. и дал на следствии откровенные показания. Результатом его предательства был арест многих членов «Земли и воли», а также лиц, к ней причастных (М. В. Н е ч к и н а. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам). — «История СССР», 1957, № 1, с. 105—134).

П. А. Ветошников был арестован в июле 1862 г. по приезду из Лондона в Петербург. Захваченная у него конспиративная корреспонденция Герцена и Огарева, адресованная Н. Серно-Соловьевичу, дала правительству основание для многочисленных арестов по делу «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (см.: Мих. Л е м к е. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, с. 18—230).

О В. И. Кельсиеве и его ренегатстве см.: ЛН, т. 41—42, с. 253—470.